

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Томас Эсбридж



ВОЙНЫ

СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ЗА СВЯТУЮ

ЗЕМЛЮ



Memorialis

Томас Эсбридж

**Крестовые походы. Войны
Средневековья за Святую землю**

«Центрполиграф»

2010

Эсбридж Т.

Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю /
Т. Эсбридж — «Центрполиграф», 2010 — (Memorialis)

ISBN 978-5-227-04474-7

Британский историк Томас Эсбридж в своей книге ведет рассказ о Крестовых походах – войнах за господство над Святой землей, регионом, священным как для христиан, так и для приверженцев мусульманской веры, – которые велись на протяжении двух столетий. В них участвовали такие выдающиеся личности, как Ричард Львиное Сердце, Людовик IX, Филипп-Август, Занги, Бейбарс и многие другие. Рассматривая историю кровавой борьбы с точки зрения и христиан, и мусульман, автор тем самым избегает в повествовании предвзятости. Большое внимание он уделяет и урокам этих походов, предостерегая об опасности исторического параллелизма.

ISBN 978-5-227-04474-7

© Эсбридж Т., 2010
© Центрполиграф, 2010

Содержание

Введение. Мир Крестовых походов	6
Средневековая Европа	9
Западная Европа в XI веке	9
Латинское христианство	11
Война и насилие в латинской Европе	14
Мусульманский мир	17
Ранняя история ислама	17
Разделение мусульманского мира	18
Ближний Восток в конце XI века	20
Исламская война и джихад	20
Ислам и христианская Европа накануне Крестовых походов	22
Часть первая. Начало Крестовых походов	24
Глава 1. Священная война, Святая земля	24
Папа Урбан и идея крестоносного движения	24
Клермонская проповедь	26
Зов креста	29
Византия	33
Честолюбивые замыслы Алексея	33
На службе у императора	34
Осада Никеи	35
Через Малую Азию	37
Битва при Дорилее	38
Контакты и завоевания	39
Глава 2. Сирийские испытания	41
Город Антиохия	41
Война на истощение	44
Предательство	46
Осажденные	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Томас Эсбридж

Крестовые походы. Войны

Средневековья за Святую землю

©2010, 2012 by Thomas Asbridge

©Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

©Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение. Мир Крестовых походов

Девятьсот лет назад христиане Европы провели ряд священных войн – Крестовых походов – против мусульманского мира, сражаясь за господство над регионом, священным для обеих вер – Святой землей. Эта кровавая борьба продолжалась два столетия, изменив историю ислама и Запада. В ходе масштабных экспедиций сотни тысяч крестоносцев стремились завоевать и затем защитить небольшую полоску территории вокруг священного города Иерусалима. Их возглавляли такие люди, как воинственный король Англии Ричард Львиное Сердце и набожный французский монарх Людовик IX. Их подданные участвовали в жестоких осадах и ужасных сражениях, шли через бескрайние леса и выжженные солнцем пустыни, страдая от голода и болезней. Они видели легендарных византийских императоров и шагали рядом с грозными тамплиерами. Умершие считались мучениками, а те, кому удалось выжить, верили, что испытания сражений и паломничества очистили их души от грехов.

Приход крестоносцев поднял ислам на борьбу, снова пробудил преданность делу джихада. Мусульмане из Сирии, Египта и Ирака старались вытеснить своих христианских противников со Святой земли. Борьбу с ними вел безжалостный военачальник Занги и могущественный Саладин, ее поддерживали султан Бейбарс и его элитные солдаты – мамлюки, оказывали помощь даже безжалостные ассасины. Годы конфликтов породили более близкое знакомство, временами даже неохотное уважение и мирные контакты – перемирия и торговлю. Но проходили десятилетия, пламя конфликта разгоралось снова, и чаша весов стала медленно склоняться в пользу ислама. И хотя мечта о победе христианства продолжала жить, мусульманский мир занял более прочное положение, обеспечив длительное владение Иерусалимом и всем Ближним Востоком.

Драматическая история борьбы христианства и ислама всегда воспламеняла воображение и вызывала ожесточенные споры. В течение многих веков Крестовые походы трактовались по-разному. Их называли доказательством недалекости религиозной веры и изначально варварства человеческой природы, а также славным проявлением христианского рыцарства и цивилизующего колониализма. Их представляли темным эпизодом европейской истории, когда алчные орды западных варваров без всякого повода напали на более культурных и ни в чем не повинных представителей ислама, и войнами, спровоцированными мусульманской агрессией и ведомыми для восстановления христианской территории. Сами крестоносцы изображались как жестокими дикарями, жаждущими захватить новые земли, так и набожными, удивительно благочестивыми солдатами-пилигримами, а их мусульманские противники – злыми тиранами – угнетателями, пылкими фанатиками, а также воплощением чести и милосердия.

Средневековые Крестовые походы также использовались для формирования тесных связей между недавними событиями и далеким прошлым, а также в сомнительной практике исторического параллелизма. Так, в XIX веке французы и англичане использовали память о Крестовых походах для утверждения своего имперского наследия, а XX и XXI века стали свидетелями углубления в некоторых частях мусульманского мира тенденции приравнивать современную политическую и религиозную борьбу к священным войнам, имевшим место девятью веками раньше.

В предлагаемой читателю книге история Крестовых походов исследуется и с точки зрения христиан, и с позиции мусульман. Особое внимание уделяется борьбе за овладение Святой землей. В ней описывается, что испытали средневековые авторы в Крестовых походах и как их

вспоминали¹. Книга опирается на удивительно богатый документальный материал – хроники, письма, официальные документы, поэмы и песни, на латинском, старофранцузском, арабском, армянском, сирийском и греческом языках. Причем речь идет не только о текстах. Исследование предметов материальной культуры – от впечатляющих замков до небольших иллюстраций в манускриптах и мелких монет – пролило новый свет на эру Крестовых походов. Все работы неизменно проводились на высочайшем научном уровне².

Собрать историю Крестовых походов на Святую землю 1095–1291 годов в одной доступной книге – задача нелегкая. Но вместе с тем в ней кроются удивительные возможности. Шанс проследить размах событий, раскрывающих внутреннюю сущность человеческого опыта через агонию и ликование, ужас и триумф; составить график переменчивой удачи и восприятия ислама и христианства. Также возможно поставить ряд важнейших, взаимосвязанных и всеобъемлющих вопросов об этих эпохальных священных войнах.

Исход дела всегда напрямую связан с его началом, поэтому причины войн за Святую землю имеют первостепенную важность. Как две величайшие мировые религии пришли к пропаганде насилия от имени Бога, убеждая своих сторонников, что борьба за веру откроет для них ворота рая? И почему многие тысячи христиан и мусульман откликнулись на призыв к Крестовому походу и джихаду, отлично зная, что они могут столкнуться с неимоверными трудностями, страданиями и даже смертью? Также крайне важно понять, был ли Первый крестовый поход, начатый в конце XI века, актом христианской агрессии и что сохранило цикл религиозного насилия на Ближнем Востоке на последующие двести лет.

Итоги и влияние священных войн не менее важны. Была ли эра Крестовых походов периодом безусловного и полного разлада, явившегося продуктом столкновения цивилизаций, или в нем были вскрыты потенциальные возможности сосуществования и конструктивного межкультурного диалога между христианством и исламом? Мы, конечно, должны поставить вопрос: кто в конце концов выиграл войну за Святую землю и почему, но значительно важнее

¹ Даже сегодня многие истории Крестовых походов, написанные западными учеными, окрашены (сознательно или нет) предвзятостью, поскольку авторами являются христиане. Эта присущая историческим трудам пристрастность может проявляться сравнительно слабо, например, в решении описать исход сражения как победу или поражение, триумф или трагедию. В настоящей книге я сделал попытку противостоять этой тенденции, излагая события то с точки зрения европейского христианина, то с точки зрения ближневосточного мусульманина. В центральной части книги, в которой говорится о Третьем крестовом походе, чередуются два его главных действующих лица – Ричард Львиное Сердце и Саладин. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.*)

² В Средние века и после них Крестовые походы велись в разных странах. Но на вершине их популярности и важности – в 1095–1291 годах – христианские походы были в основном нацелены на Ближний Восток. Поэтому настоящая книга описывает события на Святой земле. Существуют разные трактовки этого географического понятия. Одна из них помещает Святую землю в границы современного Государства Израиль, включая районы, находящиеся под контролем Палестины. Но в Средние века христиане Западной Европы имели более смутное представление о Святой земле, нередко включая в это понятие другие религиозно значимые места, такие как город Антиохия (Северо-Восточная Турция). В эпоху Крестовых походов мусульмане также упоминали *al-Quds* (Святой город) и *Bilad al-Sham* (побережье). Таким образом, войны за Святую землю, рассматриваемые в этой книге, относятся к конфликтам, происходившим на территории современного Израиля, Иордании, Ливана и Сирии, а также частей Турции и Египта. В последнее время мы привыкли называть этот район Средним Востоком, но в действительности это не совсем так. Строго говоря, прибрежные территории – это Ближний Восток, а Средний Восток – это район за Евфратом. В книге также используется термин «Левант» для описания восточной части Средиземноморья – слово произошло от французского *lever* (подниматься) и относится к ежедневному появлению солнца на востоке. Для получения общего представления о последних успехах в изучении Крестовых походов см. *Constable G. The Historiography of the Crusades. The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World*. Ed. A.E. Laiou and R.P. Mottahedeh. Washington, DC, 2001. P. 1—22; *Balard M. Croisades et Orient Latin, XI^e—XIV^e siècle*. Paris, 2001; *Ellenblum R. Crusader Castles and Modern Histories*. Cambridge, 2007; *Hillenbrand C. The Crusades: Islamic Perspectives*. Edinburgh, 1999; *Housley N. Contesting the Crusades*. Oxford, 2006; *Housley N. Fighting for the Cross*. New Haven, London, 2008; *Jotischky A. Crusading and the Crusader States*. Harlow, 2004; *Mayer H.E. The Crusades*. Trans. J. Gillingham, 2nd edn. Oxford, 1988; *Madden T.F. The New Concise History of the Crusades*. Lanham, 2006; *Jaspart N. The Crusades*. New York and London, 2006; *Richard J. The Crusades, c. 1071–1291*. Trans. J. Birrell. Cambridge, 1999; *The Oxford Illustrated History of the Crusades*. Ed. Riley-Smith J.S.C. Oxford, 1995; *Riley-Smith J.S.C. The Crusades: A History*. 2nd edn. London, New York, 2005; *Tyerman C.J. God's War: A New History of the Crusades*. London, 2006.

понять, как эра конфликтов повлияла на ход истории и почему эти древние сражения вплоть до сегодняшнего дня бросают тень на современный мир.

Средневековая Европа

В году 1000-м графством Анжу (в западной части Центральной Франции) правил Фульк Нерра (987—1040), жестокий и алчный воин. Большую часть тех пятидесяти трех лет, что был у власти, Фульк провел в практически постоянных сражениях: он воевал на всех мыслимых фронтах, чтобы сохранить контроль над своим неуправляемым графством, интриговал, чтобы сохранить независимость от немощной французской монархии, и нападал на соседей ради земли и добычи. Этот человек был привычен к насилию и на поле брани, и за его пределами: он сжег на костре свою жену за измену и организовал безжалостное убийство королевского придворного.

Но, несмотря на то что руки у него были в крови, Фульк был горячо верующим христианином, понимающим, что его жестокие методы, согласно доктринам веры, греховны и могут стать причиной вечного проклятия. Сам граф признал в письме, что «пролил много крови в разных сражениях» и теперь охвачен «страхом ада». Надеясь очистить душу, он совершил три паломничества в Иерусалим, который располагался в 2000 милях от его родного графства. Говорят, что во время последнего из этих путешествий Фулька, который был уже старым человеком, привели нагим к Гробу Господню – месту, где умер и воскрес Христос, – с цепью на шее. Он молил Христа о прощении, а слуга в это время бил его³.

Что подтолкнуло Фулька Нерра к таким радикальным актам раскаяния и почему его история полна столь диких жестокостей? Даже его современники были шокированы садизмом графа и странным религиозным рвением, так что его жизнь, судя по всему, все же не типична для Средневековья. Но его опыт и склад ума отражали силы, сформировавшие Средние века и породившие движение крестоносцев. Именно такие люди, как Фульк – равно как и многие его потомки, – стояли в первых рядах священных войн.

Западная Европа в XI веке

Многие из тех, кто жили, как Фульк Нерра, в начале XI столетия, опасались, что являются свидетелями последних мрачных и отчаянных дней человечества. В начале 1030-х годов страх апокалипсиса достиг кульминации. Тогда считалось, что тысячелетняя годовщина смерти Христа станет преддверием Страшного суда. Один летописец в то время писал: «Хаос сменил законы, правившие миром. Все знали, что пришел конец света». Это очевидное беспокойство помогает объяснить столь бурное раскаяние Фулька. Хотя с графом и его людьми все было несколько сложнее. Они хранили коллективную память о золотом веке, когда христианские императоры правили от имени Господа, принося в мир порядок, соответствующий Его Божественной воле. Этот смутно представляемый идеал никоим образом не был идеальным воспоминанием о европейской истории, но он вмещал частички правды.

Римское императорское правление обеспечивало стабильность и достаток на Западе вплоть до IV века н. э. На Востоке Римская империя существовала до 1453 года и управлялась из великого города Константинополя, основанного в 324 году Константином Великим, первым императором, обратившимся в христианство. Сегодня историки называют это прочное государство Византийским. На Западе между V и VII веками власть перешла к приводящей в замешательство массу «варварских» племен, но около 500 года одна из таких групп – франки – установила контроль над Северо-Западной Галлией, основав королевство, назван-

³ *Bachrach B.S. The pilgrimages of Fulk Nerra, count of the Angevins, 987—1040 Religion, Culture and Society in the Early Middle Ages. Ed. T.F.X. Noble, J.J. Contreni. Kalamazoo, 1987. P. 205—217.*

ное Франкия (от него пошло название современной Франции)⁴. К 800 году потомок франков Карл (768–814) объединил под своим правлением такую обширную территорию (в том числе современную Францию, Германию, Италию и Нидерланды⁵), что вполне мог претендовать на титул императора Запада. Карл и его преемники Каролинги обеспечили короткий период безопасности, но их империя не выдержала бесконечных войн за престол, натиска скандинавских викингов и мадьяр из Восточной Европы. Начиная с 850 года и далее Европа снова оказалась разбитой на части политическими распрями, войной и беспорядками. Воинственные германские короли все еще претендовали на императорский титул, а французский королевский дом отчаянно пытался выжить в своем урезанном королевстве. К XI веку Константин и Карл уже стали легендами, воплощением далекого прошлого. На протяжении всей истории средневековой Европы многие христианские короли надеялись повторить их достижения или подражать им – среди них те, кто сражался в Крестовых походах.

К началу времени Фулька Нерра Запад постепенно возрождался после посткаролингской эпохи упадка (несмотря на предсказания, Армагеддона так и не случилось), но что касается политической и военной силы, а также социальной и экономической организации, многие регионы были в высшей степени раздробленными. Европа не была разделена на национальные государства в современном понимании. Вместо этого территории Германии, Италии, Испании и Франции были поделены на множество мелких политических образований, где властвовали весьма воинственные правители, большинство из которых были связаны с коронованным монархом лишь слабыми узами. Как и Фульк, такие правители имели титулы герцогов и графов, восходившие к временам римлян и Каролингов, и происходили из рядов нарождавшейся военной аристократии – класса великолепно оснащенных полупрофессиональных воинов, которых стали называть рыцарями.

Европа XI века пребывала в состоянии полной анархии, повсюду свирепствовали междоусобицы и кровная месть, беззаконие стало обычным явлением. Общество было в высшей степени раздроблено. Хватку дикой природы, сжимавшую Запад, только предстояло ослабить, огромные пространства земли все еще оставались необработанными, а главные дороги были построены еще во времена Римской империи. В таком мире человек мог прожить жизнь, не удаляясь дальше чем на 50 миль (80 км) от места своего рождения, – это факт, сделавший неоднократные путешествия Фулька Нерра в Иерусалим и последующую популярность Крестовых походов в далекую Святую землю тем более необычными. Массовых коммуникаций в сегодняшнем понимании этого слова тогда не существовало, потому что большинство населения оставалось неграмотным, и книгопечатание еще не было изобретено.

Тем не менее уже в середине Средних веков (между 1000 и 1300 годами) западная цивилизация стала демонстрировать признаки развития и экспансии. Медленно набирала скорость урбанизация, рост населения городов помог стимулировать экономическое возрождение основанной на денежном обращении экономики. Среди общин, возглавивших создание торговли на дальние расстояния, были итальянские купцы из Амальфи, Пизы, Генуи и Венеции, ведущие морскую торговлю. Другие группы демонстрировали выраженную тенденцию к военным завоеваниям. Норманны из Северной Франции, потомки викингов, были особенно энергичны в середине XI века, колонизовав англосаксонскую Англию и захватив Южную Италию и Сицилию у византийцев и североафриканских арабов. Тем временем на Иберийском полуострове

⁴ В 1095 году, когда начались войны за Святую землю, Франция оказалась центром крестоносного движения. Но хотя далеко не все крестоносцы были французами, современники, описывавшие эту эпоху, особенно жившие, как мусульмане, за пределами Западной Европы, имели обыкновение называть всех христиан, участвовавших в священных войнах, «франками». Поэтому крестоносцев и западноевропейцев, которые обосновались на Ближнем Востоке, обычно называют франками.

⁵ Имеются в виду Нидерланды исторические, включавшие территории современных Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, а также некоторые области Северной Франции. (Примеч. ред.)

многочисленные христианские королевства начали отодвигать свои границы на юг, захватывая территории у мусульман Испании.

По мере того как западноевропейцы начинали смотреть за пределы горизонтов раннего Средневековья, торговля и военные действия привели их в контакт со многими народами, а также с великими цивилизациями Средиземноморья: древней восточноримской Византийской империей и быстро расширяющимся арабско-исламским миром. Эти давно установившиеся «супердержавы» были историческими центрами богатства, культуры и военной мощи. В качестве таковых они имели обыкновение рассматривать Запад как нечто немногим лучшее, чем варварское болото – мрачное обиталище диких племен, которые могли быть сильными воинами, но по своей сути были неуправляемой толпой и потому не представляли собой никакой реальной угрозы. Начало Крестовых походов помогло изменить ситуацию, хотя и подтвердило много предрассудков⁶.

Латинское христианство

Древнее римское правление, безусловно, имело сильное воздействие на все аспекты западной истории, но самое важное и живучее наследие империи – христианизация Европы. Решение Константина Великого принять христианство – тогда незначительное восточное религиозное течение – после того, как ему в 312 году было «видение», вывело эту религию на мировую арену. Менее чем за столетие христианство заменило язычество в качестве официальной религии империи, и при посредстве римского влияния «слово Христово» распространилось по всей Европе. Даже когда государство, давшее вере мощный импульс, исчезло, христианство продолжало набирать силу. Новые «варварские» европейские вожди обратились в новую веру и довольно скоро начали утверждать, что имеют predetermined свыше право управлять своими племенами в качестве королей. Могучий объединитель Карл назвал себя «сакральным», или священным, правителем – тем, кто имеет право и берет на себя ответственность защищать и поддерживать веру. К XI веку латинское христианство (названное так по языку своего писания и обрядов) проникло почти во все уголки Запада⁷.

Центральной фигурой в этом процессе был римский папа. Христианская традиция утверждает, что было пять великих отцов – патриархов церкви – в Средиземноморье: в Риме, Константинополе, Антиохии, Иерусалиме и Александрии. Но римский епископ – называвший себя папой – претендовал на лидерство среди них. На всем протяжении Средних веков папство боролось не только за утверждение своих всемирных прав, но и за обладание значительной властью над церковной иерархией латинского Запада. Крушение Римской империи и империи Каролингов разрушило структуру власти внутри церкви, так же как и в мирской сфере. По всей Европе епископы столетиями пользовались независимостью и автономией от папского контроля, и многие прелаты были лояльны местным политическим правителям и «сакральным» королям Запада. К началу XI века папы старались навязать свою волю хотя бы Центральной Италии, а в последующие десятилетия даже иногда высылались из Рима.

Тем не менее именно римский папа дал начало Крестовым походам, подсказав десяткам тысяч латинян взять в руки оружие и начать борьбу во имя христианства. Это удивительное

⁶ Glaber R. Opera. Ed. J. France, N. Bulst, P. Reynolds. Oxford, 1989. P. 192. Об обращении Европы и начале христианской эры см.: Fletcher R. The Conversion of Europe. New York, 1998; Brown P. The Rise of Western Christendom. Oxford, 1996; Herrin J., Hamilton B. The Christian World of the Middle Ages. Stroud, 2003. О франках см.: James E. The Franks. Oxford, 1988. Об использовании термина «франки» в контексте Крестовых походов см.: Riley-Smith J.S.C. The First Crusaders, 1095–1131. Cambridge, 1997. P. 64–65. Об эре Каролингов и раннем Средневековье см.: McKitterick R. The Frankish Kingdoms under the Carolingians 751–987. London, 1983; McKitterick R. The Early Middle Ages: Europe 400–1000. 2001; Wickham C. Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean, 400–800. Oxford, 2005.

⁷ Приверженцы латинского христианства, которое сегодня обычно называют римским католицизмом, в Средние века назывались латинянами.

деяние по сути само по себе послужило расширению и укреплению папской власти, однако проповедование священных войн все же не должно рассматриваться как чисто циничный своекорыстный акт. Папская роль прародителя крестоносного движения действительно помогла объединить и укрепить римскую церковную власть в таких регионах, как Франция, и, по крайней мере вначале, крестоносцы следовали папским приказам, выступая в роли папских армий. Но даже если так, возможно, здесь действовали и более альтруистичные импульсы. Судя по всему, многие средневековые папы искренне верили, что обязаны таким образом защитить христианство. Они также собирались после смерти ответить перед Господом за судьбу каждой порученной им души. Создав идею христианской священной войны – в которой акты освященного насилия помогали очистить душу воина от греха, папство открыло новый путь к спасению для своей латинской паствы.

На самом деле Крестовые походы были одним из проявлений более широкой кампании по омоложению и восстановлению западного христианства, проводимой Римом с середины XI века в так называемом «реформаторском движении». С точки зрения папства любые неудачи в церкви были симптомами более глубокого заболевания: порочного влияния светского мира, сохраняемого благодаря связям между священнослужителями и мирскими правителями. И единственный способ избавиться от императоров и королей, державших церковь за горло мертвой хваткой, – реализация папой данного ему Господом права на верховную власть. Самым красноречивым и активным выразителем таких взглядов был папа Григорий VII (1073–1085). Григорий истово верил, что был послан на землю для преобразования христианства, и с этой целью должен взять абсолютный контроль над латинскими церковными делами. Для достижения этой цели он был готов использовать любые средства, даже насилие, чинимое папскими слугами, которых он назвал «воинами Христа». Папа Григорий зашел слишком далеко, двигался слишком быстро и закончил свое правление в изгнании в Южной Италии. Однако его смелые шаги сделали многое для продвижения дела реформ и увеличения папских полномочий, создав платформу, с которой один из его преемников (и бывший советник) папа Урбан II (1088–1099) сумел организовать Первый крестовый поход⁸.

Призыв Урбана к священной войне нашел живой отклик по всей Европе, в основном из-за преобладающей религиозной атмосферы в латинском мире. На Западе христианство являлось практически общепринятой верой, и, в отличие от современного секуляризированного европейского общества, в XI веке царила духовная атмосфера. В таких условиях христианская доктрина вторгалась во все аспекты человеческой жизни – от рождения и смерти до сна и еды, брака и здоровья. Знаки всемогущества Господа были видны всем в актах «чудесного» исцеления, Божественных откровений, а также земных и небесных знамений. Такие понятия, как любовь, милосердие, обязанность и традиции помогали склонять средневековое общество к набожности, но, вероятно, самым сильным, влиятельным, определяющим чувством был страх, тот самый страх, который заставил Фулька Нерра поверить, что его душа в опасности. Латинская церковь XI века учила, что каждый человек в конце концов предстанет перед судом – будет произведено «взвешивание душ». Чистота принесет вечную награду небесного спасения, а результатом греха станет проклятие и вечные адские муки. Чтобы верующие наглядно представляли себе опасность, в религиозном искусстве и скульптуре создавались графические

⁸ Папы утверждали, что, поскольку главный апостол Христа – святой Петр – был первым римским прелатом, его последователи должны признаваться не только как главы латинской церкви на Западе, но также как высшая духовная власть во всем христианском мире. Неудивительно, что такие взгляды не нравились таким священнослужителям, как греческий патриарх в Константинополе, и споры по этому вопросу в 1054 году вызвали настоящий раскол – «схизму» между двумя ветвями «европейского» христианства. О средневековом папстве и папских реформах см.: *Ullmann W. A Short History of the Papacy in the Middle Ages. London, 1974; Morris C. The Papal Monarchy: The Western Church from 1050 to 1250. Oxford, 1989; Cowdrey H.E.J. Pope Gregory VII, 1073–1085. Oxford, 1998; Blumenthal U.-R. The Investiture Controversy: Church and Monarchy from the Ninth to the Twelfth Century. Philadelphia, 1988.*

образы наказаний, которые ожидают тех, кто будут признаны нечистыми: грешников душили демоны, проклятых загоняли в костры подземного мира ужасные дьяволы.

При таких обстоятельствах вряд ли стоит удивляться, что большинство средневековых латинских христиан были одержимы идеей греховности, искупления и будущей жизни после смерти. Крайним проявлением желания вести чистую праведную жизнь было монашество, в котором монахи и монашки давали клятву жить в бедности, непорочности и покорности и, удалившись в обители, посвящали себя Богу. В XI веке одной из самых популярных форм монашества была та, которую предлагал Бургундский монастырь Ключни в Восточной Франции. Ключнийское движение быстро набирало мощь. Очень скоро к нему относилось более 2000 обитателей от Англии до Италии, и оно оказало существенное влияние на развитие и продвижение реформаторских идей. Своей максимальной силы оно достигло в 1090-х годах, когда Урбан II, сам бывший ключнийский монах, стал папой.

Конечно, требования монашества были не по средствам большинству средневековых христиан. И для обычных мужчин и женщин путь к Богу был чреват опасностями греха, поскольку многие, по-видимому, неизбежные аспекты человеческого существования – такие, как гордость, голод, похоть и насилие, – считались греховными. Но были доступны некоторые взаимосвязанные средства спасения (хотя их теоретические и теологические основы следовало усовершенствовать). Латинян поощряли признаваться в проступках священнику, который наложит соответствующее наказание, исполнение которого, предположительно, могло очистить человека от грязи греха. Самым распространенным искупительным актом была молитва, но раздача милостыни беднякам, пожертвования на храмы и выполнение очистительного путешествия (паломничества) тоже были весьма популярными. Эти похвальные деяния могли выполняться не только в рамках наказания, но и как своеобразный духовный взнос, чтобы попросить Бога или одного из его святых о помощи.

Фульк Нерра, в начале XI века мечтавший о спасении, действовал в рамках установившихся представлений. Одним из средств стало основание в его графстве Анжу – в Болье – нового монастыря. По свидетельству самого Фулька, он сделал это, «чтобы монахи собирались вместе и молились денно и нощно о спасении [моей] души». Идея использования духовной энергии, производимой в монастырях, посредством мирского патронажа, оставалась актуальной и в 1091 году, когда аристократ из Южной Франции Гастон IV Беарнский решил подарить кое-какую собственность ключнийскому монастырю Сен-Фуа, Морлаас, в Гаскони. Гастон был ярким сторонником средневекового реформаторского движения, участвовал в кампании на Иберийском полуострове в 1087 году и собирался стать крестоносцем. Официальный документ, удостоверявший его дар Сен-Фуа, утверждал, что Гастон действовал ради своей души, душ его супруги и детей, в надежде, что «Бог поможет нам в этом мире в наших нуждах и в будущем дарует нам вечную жизнь». В действительности во времена Гастона уже большинство западной христианской светской знати имели хорошо налаженные связи с монастырями, и это повлияло на скорость, с которой крестоносное движение распространялось по Европе после 1095 года. Отчасти так было потому, что клятва, которую давали рыцари, посвятившие себя священной войне, была отражением той, что давали монахи – эта схожесть подтверждала эффективность сражения за Бога. Еще более важным был факт, что папство, имеющее связи с монастырями, такими как Ключни, полагалось на монастыри латинского Запада в деле распространения и поддержки призыва к Крестовому походу.

Второй путь к спасению, выбранный Фульком Нерра, – это паломничество, и, принимая во внимание его многочисленные путешествия в Иерусалим, он явно считал эту форму искупительного акта самой эффективной – позднее он писал, что очищающая сила полученного им опыта оставила его в «приподнятом настроении и ликовании». Латинские паломники часто путешествовали в менее удаленные регионы, такие как Рим и Сантьяго-де-Компостела (северовосток Испании), и даже к местным святыням. Но Святой город считался самым высокочти-

мым. Все же по святости Иерусалим не имел себе равных, и в Средние века этот город обычно помещали в самый центр карт мира. Все это напрямую повлияло на восторженную реакцию народа на призыв к Крестовому походу, ведь священная война представлялась формой вооруженного паломничества, имеющего своей конечной целью Иерусалим⁹.

Война и насилие в латинской Европе

Начиная Крестовые походы, папство стремилось завербовать в ряды крестоносцев представителей разных социальных групп, но наиболее интересной была одна – рыцари латинской Европы. Этот военный класс в начале XI века находился еще на ранней стадии развития. Фундаментальной характеристикой средневекового рыцарства была способность сражаться верхом на коне¹⁰. Рыцаря обычно сопровождали четыре-пять человек, которые выступали в роли слуг, заботясь о конях, оружии и удобствах господина, но они также могли воевать в пешем строю. Когда Крестовые походы начались, эти люди не были членами постоянной армии. Большинство рыцарей были воинами, но также сеньорами или вассалами, землевладельцами и фермерами, которые могли уделять войне не больше нескольких месяцев в году, но и тогда сражались не в хорошо обученных «сыгранных» командах.

В Европе XI века обычные формы военных действий, знакомые всем рыцарям, включали набеги на короткие дистанции, небольшие стычки между мелкими отрядами, обычно превращавшиеся в хаотичные ближние бои, и осады укрепленных замков. Лишь очень немногие латинские солдаты имели опыт масштабных генеральных сражений, поскольку такая форма конфликта была в высшей степени непредсказуемой, и потому ее всячески старались избегать. И практически никто никогда не участвовал в длительных кампаниях с передвижением на большие расстояния, которыми, собственно, и были Крестовые походы. В качестве таковых священные войны на Востоке потребовали от воинов латинского христианства приспособления и усовершенствования своих боевых навыков¹¹.

До начала проповедования Первого крестового похода большинство латинских рыцарей считали акты кровопролития изначально греховными, однако они уже были знакомы с идеей о том, что в глазах Господа некоторые формы военных действий могут быть оправданны. Кроме того, папство могло санкционировать насилие.

На первый взгляд христианство представляется мирной верой. В Евангелиях Нового Завета приводится много записей, когда Иисус, кажется, отвергает или запрещает насилие: от

⁹ Glaber R. Opera. P. 60; Bull M.G. Knightly Piety and the Lay Response to the First Crusade: The Limousin and Gascony, с. 970–1130. Oxford, 1993. P. 158. О средневековой религии, монастицизме и паломничестве см.: Bull M.G. Origins / The Oxford Illustrated History of the Crusades / Ed. J.S.C. Riley-Smith. Oxford, 1995. P. 13–33; Hamilton B. Religion in the Medieval West. London, 1986; Lawrence C.H. Medieval Monasticism: Forms of Religious Life in Western Europe in the Middle Ages, 3rd edn. London, 2001; Sumption J. Pilgrimage: An Image of Mediaeval Religion. London, 1975; Ward B. Miracles and the Medieval Mind, 2nd edn. London, 1987; Webb D. Medieval European Pilgrimage, с. 700—1500. London, 2002; Morris C. The Sepulchre of Christ and the Medieval West: From the Beginning to 1600. Oxford, 2005.

¹⁰ По современным стандартам боевые кони XI века были относительно небольшими – на самом деле, имея средний рост 12 ладоней (1 ладонь = 10 см), они сегодня сошли бы разве что за пони. Но даже при этом они были очень дорогими – не только стоимость коня была высокой, дорого обходилось его содержание и уход. Большинство рыцарей также был необходим еще один конь, на котором они путешествовали. Но какими бы маленькими они ни были, боевые кони давали их владельцам огромные преимущества, когда дело доходило до рукопашной схватки, в высоте, радиусе действия, скорости и мобильности. С усовершенствованием оснащения, боевых технических приемов и навыков рыцари стали использовать стремена, научились нести под мышкой тяжелое копье, взаимодействовать в массовой атаке. Грубая сила такой атаки могла легко подавить неподготовленного противника.

¹¹ Большие расходы, связанные с рыцарством, особенно относящиеся к экипировке и обучению, не позволяли становиться рыцарями людям небогатым. Тем не менее рыцарство не было исключительной привилегией знати. В сущности, все мужчины-аристократы должны были выполнять обязанности рыцарей, а самые богатые держали у себя рыцарей в качестве вассалов по контракту, чтобы защищать и обрабатывать земельный надел в обмен на военную службу. Это позволяло небогатым мужчинам получить статус рыцаря. О средневековом рыцарстве см.: France J. Western Warfare in the Age of the Crusades. London, 1999.

предостережения, что тот, кто живет насилием, умрет насильственной смертью, до призыва подставить вторую щеку в ответ на удар. Ветхий Завет также предлагает ясное руководство в вопросе о насилии – достаточно упомянуть заповедь «Не убий». Однако в ходе первого тысячелетия н. э. христианские теологи, размышляя о союзе между верой и военной империей Рима, усомнились, действительно ли Священное Писание так решительно отвергает войну. Ветхий Завет определенно допускает двоякое толкование, поскольку, описывая отчаянную борьбу древних евреев за выживание, он говорит о серии священных войн, санкционированных Богом. Значит, можно предположить, что при определенных обстоятельствах даже война, начатая ради мести, или агрессивная война, может считаться допустимой. В Новом Завете Иисус говорил, что принес не мир, но меч, и кнутом изгонял ростовщиков из храма.

Самым влиятельным раннехристианским мыслителем, бившимся над этим вопросом, был североафриканский епископ святой Августин из Гиппона (354–430). Его труды стали фундаментом, на котором папство впоследствии выстроило идею Крестовых походов. Святой Августин доказывал, что война может быть и законной, и оправданной, если ведется при строгих условиях. Его сложные теории впоследствии подверглись значительному упрощению, и были сформулированы три предпосылки праведной войны: объявление ее «законной властью», такой как король или епископ; «благочестивая причина», такая как защита от вражеской атаки или возврат утраченной территории; и ведение войны с «правильными намерениями», то есть с минимально возможным насилием. Эти три принципа укрепили идеал крестоносного движения, но все же не благословляли войну.

В ходе раннего Средневековья труды Августина были использованы для демонстрации следующего тезиса: определенные неизбежные формы военного конфликта могут быть «оправданными» и, таким образом, приемлемы в глазах Бога. Но сражение при этих условиях все еще являлось грехом. По контрасту христианская священная война, такая как Крестовый поход, считалась активно поддерживаемой Богом и способной принести духовные преимущества своим участникам. Пропась, разделяющая эти две формы насилия, была преодолена лишь спустя несколько веков спорадического и инкрементного теологического экспериментаторства. Процесс был ускорен военным энтузиазмом послеримских «варварских» правителей Европы. Их христианизация добавила новое «германское» признание войны и воинской жизни в латинскую веру. При Каролингах, к примеру, епископы начали спонсировать и даже направлять жестокие военные кампании по завоеванию и обращению в новую веру язычников Восточной Европы. К началу второго тысячелетия христианские священнослужители уже не колеблясь благословляли оружие и доспехи и прославляли подвиги «святых воителей».

Во второй половине XI века латинское христианство подошло еще ближе к одобрению священной войны. На ранних стадиях реформ папство начало осознавать необходимость военной «руки», которой можно было бы подкрепить свои планы и продемонстрировать волю. И папы начали экспериментировать со спонсированием военных действий, призывая христиан защищать церковь в обмен на смутно выраженные формы некоего духовного вознаграждения. Папа Григорий VII существенно продвинул доктрину применения священного насилия. Желая набрать папскую армию, верную Риму, он начал по-новому интерпретировать христианские традиции. Веками теологи характеризовали внутреннюю духовную борьбу, которую преданные христиане вели против греха, как «войну Христа», и монахов иногда называли «воинами Христа». Григорий переиначил эту идею, так чтобы она лучше отвечала его целям, заявив, что все мирское сообщество имеет одну главную обязанность – защищать латинскую церковь, став «воинами Христа» в настоящей войне.

В начале своего срока пребывания у власти Григорий запланировал грандиозную военную кампанию, которая может считаться первым прототипом Крестового похода. В 1074 году он попытался начать священную войну в Восточном Средиземноморье, чтобы помочь греческим православным христианам Византии, которых, по его утверждению, «ежедневно резали

как скот» мусульмане Малой Азии. Латинянам, сражавшимся в этой кампании, была обещана «небесная награда». Его грандиозный проект потерпел неудачу. На призыв откликнулись немногие, возможно, потому, что Григорий объявил о своем намерении лично возглавить кампанию. Сформулированному папой в 1074 году тезису о связи между военной службой Господу и последующей духовной компенсацией все еще не хватало определенности. Но в начале 1080-х годов, в разгар конфликта с германским императором, Григорий сделал решающий шаг к достижению полной ясности. Он написал, что его сторонники должны выступить против императора и достойно встретить «опасность предстоящего сражения в обмен на отпущение всех грехов». Это означало, что участие в священной войне имело такую же силу в деле очищения души, как другие формы искупления, тем более что война, как и паломничество, обещала быть трудной и опасной. И хотя это более логичное объяснение искупительного свойства освященного насилия не получило распространения, но стало прецедентом для следующих пап. На самом деле сама новизна радикального подхода Григория к милитаризации латинского христианства вызвала осуждение многих современников. В церковных кругах его обвинили в том, что он внедряет в практику «новые идеи, неслыханные на протяжении веков». Его взгляды отличались такой крайностью, что, когда преемник Григория папа Урбан II предложил более умеренный и тщательно созданный идеал, он показался окружающим консерватором¹².

Григорий VII подвел латинскую теологию вплотную к священной войне, утверждая, что папа имеет полное право собирать армии, чтобы сражаться за Бога и латинскую церковь. Он также далеко продвинулся в деле обоснования концепции освященного насилия в рамках искупления – идеи, которая станет сутью крестоносного движения. Тем не менее Григория нельзя считать главным создателем Крестовых походов, потому что он явно не сумел обосновать серьезную и убедительную идею священной войны, которая нашла бы отклик у христиан Европы. Это предстояло сделать папе Урбану II.

¹² *Robinson I.S.* Gregory VII and the Soldiers of Christ / *History*. Vol. 58. 1973. P. 169–192; *Russell F.H.* The Just War in the Middle Ages. Cambridge, 1975; *Asbridge T.S.* The First Crusade: A New History. London, 2004. P. 21–31.

Мусульманский мир

С конца XI века Крестовые походы противопоставляли друг другу западноевропейских франков и мусульман Восточного Средиземноморья. Это происходило не потому, что священные войны велись в первую очередь для того, чтобы уничтожить ислам или обратить мусульман в христианство. Скорее это было следствие господства ислама на Святой земле и в Иерусалиме.

Ранняя история ислама

Согласно мусульманской традиции, ислам зародился примерно в 610 году н. э., когда Мухаммед – сорокалетний неграмотный араб, уроженец Мекки, получил ряд «откровений» от Аллаха (Бога), переданных архангелом Гавриилом. Эти «откровения», считавшиеся священными и непреложными словами Бога, впоследствии были записаны, став Кораном. При жизни Мухаммед обращал арабских язычников-политеистов Мекки и окружающего региона Хиджаз (западное побережье Аравийского полуострова) в монотеистическую веру – ислам. Это было нелегко. В 622 году пророк был вынужден бежать в соседний город Медину, совершив путешествие, которое стало точкой отсчета для мусульманского календаря, а потом вел продолжительную и кровавую войну против Мекки, завоевав город незадолго до своей смерти в 632 году.

Основанная Мухаммедом религия – ислам, что означает «подчинение воле Бога», имеет общие корни с иудаизмом и христианством. При жизни пророк неоднократно вступал в контакт с приверженцами этих вер в Аравии и Восточной Римской империи, и его «откровения» представлялись как усовершенствование ранних религий. По этой причине Мухаммед признавал Моисея, Авраама и даже Иисуса пророками, и целая сура (глава) Корана посвящена Деве Марии.

При жизни Мухаммеда и сразу после его смерти воинственные племена Аравийского полуострова объединились под знаменем ислама. В последующие десятилетия, руководимые способными и амбициозными халифами (преемниками пророка), эти арабские племена стали практически неодолимой силой. Их удивительный динамизм соответствовал ненасытной тяге к завоеваниям – этот голод поддерживался отчетливо выраженным требованием Корана непрерывно распространять мусульманскую веру и власть ислама по всему миру. Арабо-исламский подход к подчинению новых территорий также облегчил путь к быстрому росту. Не требуя полного подчинения и немедленного обращения в ислам, мусульмане позволяли «людям Писания», то есть христианам и иудеям, сохранять свою веру, но заставляли платить дань.

В середине 630-х годов свирепые и очень мобильные конные армии арабских племен вышли за пределы Аравийского полуострова. К 650 году они достигли поразительных успехов. С невиданной скоростью Палестина, Сирия, Иран, Ирак и Египет были включены в новое арабо-исламское государство. В течение следующего столетия скорость экспансии несколько замедлилась, но рост арабо-исламской империи неуклонно продолжался, и в середине VIII века мусульманский мир раскинулся уже от реки Инд и границ Китая на востоке через Северную Африку до Испании и Южной Франции на западе.

В контексте истории крестоносного движения критическим этапом в этом процессе стал захват Иерусалима в 638 году у греческих христиан Византии. Этот древний город глубоко почитался мусульманами, он у них был третьим по святости после Мекки и Медины. Частично это объясняется Авраамовым наследием ислама, но основная причина заключалась в вере мусульман в то, что Мухаммед вознесся на небеса из Иерусалима во время своего «ночного путешествия». Кроме того, традиция считает Святой город центром грядущего Конца дней.

Раньше считалось, что мусульманский мир мог распространиться на всю Европу, если бы мусульманам дважды не помешали захватить Константинополь (в 673 и 718) и они не потер-

пели поражение в 732 году при Пуатье от деда Карла Великого – Карла Мартелла («Молота»). Эти провалы, конечно, были важными, но фундаментальная и основательно сдерживающая слабость уже начала проявляться в самом исламе: упорное и ожесточенное религиозное и политическое разделение. По своей сути эти вопросы были связаны со спорами относительно законности халифов – преемников Мухаммеда и толкования его «откровений».

Проблемы стали ясными уже в 661 году, когда признанная линия «праведных халифов» закончилась со смертью Али (кузена и зятя пророка) и подъемом соперничающего арабского клана – династии Омейядов. Омейяды впервые перевели столицу мусульманского мира за пределы Аравии, обосновавшись в крупном сирийском центре Дамаске, и они имели власть над исламом вплоть до середины VIII века. Однако этот же период был свидетелем появления ши'а (буквально – «часть» или «фракция»), мусульманской секты, которая утверждала, что только потомки Али и его супруги Фатимы (дочери Мухаммеда) могут по закону быть халифами. Шииты-мусульмане первоначально оспаривали политическую власть основного течения сунни, но со временем раскол между двумя ответвлениями одной веры перешел на уровень доктрины, когда шииты создали особый подход к теологии, религиозным ритуалам и закону¹³.

Разделение мусульманского мира

На протяжении последующих четырех веков противоречия в мусульманском мире углублялись и их количество увеличивалось. В 750 году кровавый переворот положил конец правлению Омейядов, выдвинув на первый план другую арабскую династию – Аббасидов. Они переместили центр суннитского ислама еще дальше от исконных арабских земель, основав новую столицу в Ираке: для этой цели был построен город Багдад. Эта непрактичная мера имела глубокие и далеко идущие последствия. Она стала предвестницей сложной политической, экономической и культурной переориентации со стороны суннитской правящей элиты – прочь от левантийского Ближнего Востока в Месопотамию, колыбель древней цивилизации между могучими реками Тигр и Евфрат, и дальше на восток в Иран и за его пределы. Покровительство Аббасидов также трансформировало Багдад в один из величайших мировых научных и философских центров. В течение следующих пятисот лет сердце суннитского ислама находилось не в Сирии и не на Святой земле, а в Ираке и Иране.

Однако господство Аббасидов совпало с постепенным разделением и фрагментацией монолитного исламского государства. Мусульманские правители Иберии (иногда их называют маврами) в VIII веке откололись, чтобы создать независимое королевство, одновременно продолжалось отчуждение между суннитами и шиитами. Общины мусульман-шиитов продолжали жить, по большей части мирно, рядом и среди суннитов по всему Ближнему и Среднему Востоку. Но в 969 году особенно агрессивная шиитская группировка захватила контроль над Северной Африкой. Ведомые династией, известной под именем Фатимидов (поскольку они утверждали, что являются потомками Фатимы, дочери Мухаммеда), они создали собственный шиитский халифат, отвергнув власть суннитов Багдада. Фатимиды скоро доказали, что являются могущественными противниками, отвоевав у Аббасидов обширные территории Ближнего Востока, в том числе Иерусалим, Дамаск и часть побережья Восточного Средиземноморья. К концу XI века Аббасиды и Фатимиды считали друг друга заклятыми врагами. Таким образом, к началу Крестовых походов в исламе существовал раскол, который не позволил мусульманским правителям Египта и Ирака организовать общее сопротивление вторжению христиан.

¹³ Со временем в суннитском исламе тоже появилось четыре отдельные религиозно-правовые школы – мадхабы: Ханафи, Шафии, Ханбали и Малаки. В эпоху Крестовых походов эти школы были популярны у разных групп в разных регионах. К примеру, сирийский город Дамаск был центром Ханбали, династия Зангидов поддерживала Ханафи, а курды Айюбиды были шафиитами.

Когда вражда между суннитами и шиитами упрочилась, степень влияния, оказываемого халифами Аббасидов и Фатимидов, уменьшилась. Они оставались номинальными главами – теоретически сохраняя абсолютный контроль над религиозными и политическими делами, – но на практике исполнительная власть уже перешла к светским фигурам: в Багдаде это был султан, в Каире – визирь.

В XI веке драматическое событие способствовало дальнейшему изменению мира ислама – приход турок. Начиная с 1040 года кочевые племена Центральной Азии, известные своей воинственностью и удивительным мастерством конных лучников, начали проникать на Ближний Восток. Турецкую миграцию возглавил один клан, сельджуки (из русских степей за Аральским морем). Приняв ислам суннитского толка, грозные сельджуки объявили о своем союзе с халифом Аббасидов и с готовностью вытеснили оседлую арабскую и персидскую аристократию Ирана и Ирака. К 1055 году сельджукский военачальник Тогрул-бек стал султаном Багдада и мог претендовать на влияние над суннитским исламом. Эту роль члены его династии считали своим наследственным правом в течение более ста лет. Пришествие турок-сельджуков помогло воспрянуть духом миру Аббасидов. Их кипучая энергия и военная мощь очень скоро стали давать плоды. На юге Фатимидов оттеснили, и Дамаск и Иерусалим снова стали принадлежать Аббасидам; знаменательные победы были одержаны над Византией в Малой Азии; группа сельджуков со временем основала собственный султанат в Анатолии.

В начале 1090-х годов сельджуки преобразовали суннитский мусульманский мир. Мелик-шах, способный и честолюбивый сын Тогрул-бека, стал султаном и вместе со своим братом Тутушем наслаждался относительно спокойным правлением Месопотамией и большей частью Леванта. Эта новая турецкая империя – иногда ее называют Великим сельджукским султанатом Багдада – выдвинулась благодаря безжалостному деспотизму и представлению шиитов опасными еретиками, врагами, против которых сунниты должны объединиться. Но когда Мелик-шах в 1092 году умер, его могучая империя быстро распалась в результате династических распрей и междоусобных войн. Его два юных сына боролись за право называться султанами, отстаивая контроль над Ираном и Ираком, а в Сирии Тутуш жаждал захватить власть для себя. В 1095 году он умер, а его сыновья Ридван и Докак также сцепились из-за наследства, заполучив соответственно Алеппо и Дамаск. В то же самое время условия в шиитском Египте были немногим лучше. Здесь тоже смерти фатимидского халифа и его визиря, имевшие место в 1094 и 1095 годах, повлекли за собой внезапные перемены, кульминацией которых стало возвышение нового визиря – аль-Афдаля, армянина по происхождению. Таким образом, в год начала Крестовых походов суннитский ислам пребывал в тревожном хаосе, а новый правитель Фатимидского Египта только пытался встать на ноги. Нет никаких свидетельств, позволяющих предположить, что христиане на Западе знали об этих трудностях, поэтому нельзя утверждать, что проблемы ислама стали своеобразным спусковым крючком для начала священных войн. Но, даже если так, время для начала Первого крестового похода было выбрано на удивление удачно¹⁴.

¹⁴ Об истории средневекового ислама, подъеме сельджуков и ситуации на Ближнем Востоке накануне Первого крестового похода см.: *Kennedy H.* The Prophet and the Age of the Caliphates: The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century. London, 1986; *Berkey J.* The Formation of Islam: Religion and Society in the Near East, 600–800. Cambridge, 2003; *Cahen C.* The Turkish invasion: The Selchūkids / A History of the Crusades. Ed. K.M. Setton. Vol. 1, 2nd edn. Madison, 1969. P. 135–176; *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 33–50; *Cahen C.* Introduction à l'histoire du monde musulman médiéval, Initiation à l'Islam. Vol. 1. Paris, 1982; *Cahen C.* Orient et Occident aux temps des croisades. Paris, 1983; *Holt P.M.* The Age of the Crusades: The Near East from the Eleventh Century to 1517. London, 1986. P. 1–22; *el-Azhari T.* The Saljuqs of Syria during the Crusades 463–549 a.h./1070–1154 a.d. Berlin, 1997; *Zakkar S.* The Emirate of Aleppo 1004–1094. Beirut 1971; *Mouton J.-M.* Damas et sa principauté sous les Saljoukides et les Bourides 468–549/1076–1154. Cairo, 1994; *Yared-Riachi M.* La politique extérieure de la principauté de Damas, 468–549 a.h./1076–1154 a.d. Damascus, 1997; *Sayyid A.F.* Les Fatimides en Égypte. Cairo, 1992.

Ближний Восток в конце XI века

Раздоры, которыми был заражен ислам в конце XI века, оказали сильное влияние на ход Крестовых походов. То же самое можно сказать о культурных, этнических и политических особенностях Ближнего Востока. По правде говоря, этот регион, ставший полем сражения в войне за Святую землю, нельзя назвать мусульманским миром. Относительно терпимый подход к покоренным, принятый в начале арабо-исламских завоеваний, привел к тому, что даже несколькими столетиями позже в Леванте все еще жило много христиан – от греков и армян до сирийцев и коптов. Были и евреи. Кочевые общины бедуинов также были широко распространены на востоке – мигрирующие, говорящие по-арабски мусульмане, практически никому не подчинявшиеся. На такую сложившуюся структуру оказывала влияние остававшаяся в численном меньшинстве мусульманская правящая элита, сама состоящая из арабов, персов и турок. Таким образом, Ближний Восток был не более чем пестрой смесью совершенно разных социальных и религиозных группировок, а вовсе не незыблемым оплотом ислама.

Что касается основных сил внутри мусульманского мира, Левант всегда был чем-то вроде тихой заводи или болота, несмотря на политическое и духовное значение, придаваемое таким городам, как Иерусалим и Дамаск. Для суннитов сельджуков и шиитов Фатимидов реальными центрами правительственной власти, экономического богатства и культуры были Месопотамия и Египет. Ближний Восток был, по сути, пограничной зоной между этими двумя доминирующими сферами влияния, миром, который иногда необходимо защищать, но почти всегда вызывавшим лишь вторичный интерес. Даже во время правления Мелик-шаха не было сделано ни одной решительной попытки покорить и включить в султанат Сирию, и большая часть региона была оставлена в руках рвущихся к власти полунезависимых воинственных правителей.

Таким образом, когда латинские крестоносные армии прибыли на Ближний Восток, чтобы начать, в сущности, приграничную войну, они вовсе не вторглись в самое сердце ислама. Вместо этого они воевали за землю, которая, в некотором смысле, также была мусульманской границей, населенной самыми разными христианами, евреями и мусульманами, имевшими вековой опыт аккультурации под воздействием внешних сил, будь то византийцы, персы, арабы или турки.

Исламская война и джихад

В конце XI века стиль и практика мусульманских военных действий были в состоянии постоянного изменения. Традиционной опорой любых турецких вооруженных сил был всадник в легких доспехах, верхом на быстроногом пони, вооруженный мощным луком, позволявшим ему выпускать град стрел, сидя на лошади. Он также мог иметь легкое копье, меч одной стороной заточки, топор и кинжал. Скорость передвижения и маневренность таких войск позволяли им одерживать верх над противником.

Турки обычно использовали две главные тактики: окружение – при котором врага окружала со всех сторон быстро движущаяся кружащаяся конница и обстреливала бесконечным дождем стрел; и обманное отступление – когда в бою войска якобы начинали отступать, в надежде, что противник бросится в погоню, его боевой порядок будет разрушен и он станет более уязвимым для неожиданной контратаки. Такому стилю боя отдавали предпочтение и сельджуки Малой Азии. Но турки Сирии и Палестины начали применять более широкий спектр персидских и арабских военных приемов, приспособившись к использованию кавалеристов в тяжелых доспехах, вооруженных копьями, крупных сил пехоты и осадной войне. В любом случае самыми распространенными формами военных действий на Ближнем Востоке

были набеги, небольшие стычки и мелкие междоусобные бои за власть, землю и богатство¹⁵. Теоретически, однако, мусульманские войска могли быть призваны на борьбу за высокие идеалы – на священную войну.

Ислам с самого начала принимал войну. Даже Мухаммед провел ряд военных кампаний, направленных на подчинение Мекки, и взрывное расширение исламского мира в VII и VIII веках подталкивалось признанным благочестивым желанием распространить исламское правление. Союз веры и насилия в мусульманской религии поэтому был более скорым и естественным, чем тот, что постепенно возник в латинском христианстве.

В попытке определить роль войны в исламе мусульманские ученые обратились к Корану и к хадисам, изречениям, связанным с Мухаммедом. Эти тексты дают многочисленные примеры того, что пророк был сторонником «борьбы на пути Бога». Еще в ранний исламский период возникла дискуссия относительно того, что эта борьба, или джихад, в себя включает, – споры продолжаются по сей день. Некоторые, например представители мистического течения в исламе – суфисты, утверждают, что самый важный – большой джихад – это внутренняя духовная борьба против греха и ошибок. Но к концу VIII века сунниты начали развивать формальную теорию, отстаивающую то, что называют малым джихадом, – вооруженную борьбу против неверных. Чтобы оправдать ее, они приводят канонические свидетельства, такие как стихи из девятой суры Корана, где сказано: «Сражайтесь со всеми многобожниками без исключения, как они сражаются против вас», и такие хадисы, как «Утро или вечер, проведенное на пути Бога, лучше, чем весь мир с тем, что в нем есть» или «Быть один час в боевых порядках на пути Бога лучше, чем быть на молитве шестьдесят лет».

Правовые трактаты этого периода утверждают, что джихад – обязанность, возложенная на всех здоровых мусульман, но эта обязанность в основном рассматривалась как общая, а не индивидуальная, и ответственность за лидерство всегда лежала на халифе. Ссылаясь на хадис «Врата рая находятся в тени мечей» и подобные ему, эти трактаты также утверждают, что тем, кто участвует в джихаде, будет разрешен вход в небесный рай. Авторы трактатов формально разделили мир на две сферы – *Дар эс-Ислам*, или «Дом мира» (район, в котором преобладает мусульманское правление и мусульманские законы), и *Дар аль-харб*, или «Дом войны» (весь остальной мир). Первоочередная цель джихада – ведение беспощадной священной войны в Дар аль-харб, до тех пор пока все человечество не примет ислам или не подчинится мусульманскому правлению. Никаких постоянных мирных соглашений с немусульманскими врагами заключать нельзя, а временные перемирия могут длиться не больше десяти лет.

Шли века, и движущий импульс к экспансии, закодированный в классической теории джихада, ослабел. Арабские племена начали вести оседлую жизнь и торговать с немусульманами, например византийцами. Священные войны против христиан и им подобных продолжались, но они стали спорадическими и зачастую поощрялись и велись мусульманскими эмирами без одобрения халифа. К XI веку правители суннитского Багдада были намного более заинтересованы в использовании джихада для продвижения исламской правоверности путем подавления «еретиков» – шиитов, чем в ведении священных войн против христианства. Предложение, что ислам должен вести бесконечную борьбу, чтобы расширять свои границы и подчинять немусульман, широко не распространилось, равно как и идея объединения для защиты исламской веры и его территорий. Когда начались христианские Крестовые походы, идеологический

¹⁵ Основным «кирпичиком» мусульманских армий был «аскар» – личная военная свита лорда или эмира. В них доминировали прекрасно обученные профессиональные «рабы-солдаты» (мамлюки), первоначально из тюркских народов Центральной Азии и русских степей, но позднее с примесью армян, грузин, греков и даже восточноевропейских славян. В мире сельджуков большие армии обычно формировались следующим образом: эмир имел право на доходы с земельного надела в обмен на обязательство направить свой «аскар» для участия в военных кампаниях. Аналогичная процедура позднее была принята в Египте. О средневековой исламской армии см.: *Kennedy H. The Armies of the Caliph. London, 2001; Hillenbrand C. The Crusades: Islamic Perspectives. P. 431–587.*

импульс религиозной войны пребывал в дремлющем состоянии в основном тексте ислама, но основные элементы системы взглядов остались на месте¹⁶.

Ислам и христианская Европа накануне Крестовых походов

Важный и неудобный вопрос сохранился: спровоцировал ли мусульманский мир Крестовые походы, или латинские священные войны являлись актами агрессии? Фундаментальное исследование требует оценки общей степени угрозы, которую представлял для христианского Запада ислам в XI веке. В каком-то смысле мусульмане давили на границы Европы. На востоке Малая Азия веками оставалась полем сражения между мусульманами и Византийской империей; и мусульманские армии неоднократно пытались захватить величайший христианский центр – Константинополь. На юго-западе мусульмане продолжали править на обширных пространствах Иберийского полуострова и могли в любой момент двинуться на север за Пиренеи. В действительности, однако, накануне Крестовых походов Европа никоим образом не испытывала необходимости начать срочную борьбу за выживание. Никаких согласованных нападений со стороны Средиземноморья не предвиделось, потому что, хотя иберийские мавры и турки Малой Азии имели общее религиозное наследие, они никогда не были объединены одной целью.

В действительности, после первой мощной волны исламской экспансии, взаимодействие между соседствующими христианскими и мусульманскими государствами было вполне обычным и характеризовалось, как и в случае любых потенциальных противников, периодами конфликтов, сменявшимися периодами мирного сосуществования. Практически нет свидетельств того, что религии этих двух миров вели неизбежную и постоянную борьбу. Начиная с X века и далее, к примеру, ислам и византийцы относились друг к другу с напряженным, иногда задиристым, но все же уважением, и их отношения были не более чреваты конфликтами, чем между греками и их славянскими или латинскими соседями на западе.

Это вовсе не говорит о том, что повсеместно царил утопический мир и гармония. Византийцы были всегда готовы использовать в своих интересах любые признаки мусульманской слабости. Так, в 969 году, пока мир Аббасидов был раздроблен, греческие войска двинулись на восток, завоевали значительную часть Малой Азии и стратегически важный город Антиохия. А с приходом турок-сельджуков Византия оказалась перед лицом возобновившегося военного давления. В 1071 году сельджуки разбили имперскую армию в сражении при Манцикерте (восток Малой Азии), и, хотя историки больше не считают этот разгром катастрофой для греков, все же неудача была весьма болезненной и положила начало существенным турецким завоеваниям в Анатолии. Пятнадцатью годами позже сельджуки также вернули Антиохию.

А тем временем в Испании и Португалии христиане начали отвоевывать территорию у мавров, и в 1085 году иберийские латиняне добились глубоко символической победы, взяв контроль над Толедо, древней христианской столицей Испании. Тем не менее на этой стадии постепенная латинская экспансия на юг представляется вызванной политическими и экономическими стимулами, а не религиозной идеологией. Конфликт в Иберии стал более острым после 1086 года, когда секта исламских фанатиков, известных как альморавиды, вторглась в Испанию из Северной Африки, вытеснив уцелевших мавров. Этот новый режим воодушевил мусульманское сопротивление, добившись ряда существенных военных побед против христиан севера.

¹⁶ Об исламском джихаде в Средние века см.: *Sivan E. L'Islam et la Croisade*. Paris, 1968; *Hillenbrand C. The Crusades: Islamic Perspectives*. P. 89—103; *Kedar B.Z. Croisade et jihad vus par l'ennemi: une étude des perceptions mutuelles des motivations / Autour de la Première Croisade*. Ed. M. Balard. Paris, 1996. P. 345—358; *The Jihad and its Times*. Eds. H. Dajani-Shakeel, R.A. Mossier. Ann Arbor, 1991; *Firestone R. Jihad. The Origins of Holy War in Islam*. Oxford, 2000; *Cook D. Understanding Jihad*. Berkeley, 2005. Согласно теологии шиитов, обязанность вести внешний джихад не будет действовать вплоть до Последних дней. Поэтому шииты исмаилиты из Египта и двенадцатники, такие как клан мункидов из Шайзара, воевали против франков, но не считали себя участниками священной войны.

Но нельзя сказать, что агрессия альморавидов стала причиной Крестовых походов, потому что латинские священные войны, начатые в конце XI века, были направлены в сторону Леванта, а не Иберии.

Так что же разожгло пламя войны между христианами и мусульманами на Святой земле? В каком-то смысле Крестовые походы были реакцией на акт исламской агрессии – завоевание мусульманами священного Иерусалима, но этот акт имел место в 638 году, так что поводом для начала священных войн он явно не был. В начале XI века церковь Гроба Господня, которая, как считалось, включала в себя место распятия и воскресения Христа, была частично уничтожена непостоянным фатимидским правителем, вошедшим в историю под именем халиф Хаким. Его последующее преследование местного христианского населения продолжалось больше десяти лет и завершилось, лишь когда он объявил себя живым Богом и переключился на мусульманских подданных. По всей видимости, напряжение возросло и в 1027 году, когда мусульмане, как утверждают, забрасывали камнями территорию церкви Гроба Господня. Впоследствии латинские христиане, желавшие совершить паломничество в Левант, которых все еще было много, рассказывали о трудностях, связанных с посещением святых мест, и о репрессиях против восточных христиан в мусульманской Палестине.

Два арабских рассказа предлагают важные, но расходящиеся друг с другом свидетельства в этом вопросе. Ибн аль-Араби, испанский мусульманский паломник, который отправился на Святую землю в 1092 году, описал Иерусалим как благоденствующий центр религиозного поклонения для мусульман, христиан и евреев. Он отметил, что христианам позволяют поддерживать свои церкви в хорошем состоянии. В его повествовании нет и намека на то, что паломники – будь то греки или латиняне – подвергаются оскорблениям или гонениям. С другой стороны, в середине XII века аль-Азими, хронист из Алеппо, писал: «Население сирийских портов не дало франкским и византийским паломникам пройти в Иерусалим. Те из них, кто выжил, распространили известие об этом в своей стране. Поэтому они стали готовиться к военному вторжению». Ясно, что, по крайней мере, аль-Азими верил в то, что нападения мусульман дали начало Крестовым походам¹⁷.

На самом деле, основываясь на всех уцелевших свидетельствах, скорее можно утверждать обратное. К 1095 году мусульмане и христиане вели войну друг с другом веками, и не важно, что это было в прошлом. Ислам захватил несомненно христианскую территорию, в том числе Иерусалим; христиане, живущие на Святой земле и прибывающие туда для паломничества, вполне могли подвергаться преследованиям. С другой стороны, непосредственная обстановка, в которой начались Крестовые походы, не указывает на то, что титаническая транснациональная религиозная война была неминуемой и неизбежной. Ислам не собирался предпринимать генерального наступления против Запада. Да и мусульманские правители Ближнего Востока не занимались ничем похожим на этнические чистки или репрессии против религиозных меньшинств. Возможно, между христианскими и мусульманскими соседями не было особо сильной любви, и без проявлений религиозной нетерпимости в Леванте тоже не обходилось, но, по правде говоря, все это ничем не отличалось от характерной для этого века политической, военной и социальной обстановки.

¹⁷ *Al-Azimi*. La chronique abrégée d'al-Azimi / Ed. C. Cahen Journal Asiatique. Vol. 230. 1938. P. 369; *Drory J.* Some observations during a visit to Palestine by Ibn al-'Arabi of Seville in 1092–1095 / *Crusades*. Vol. 3. 2004. P. 101–124; *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic Perspectives. P. 48–50.

Часть первая. Начало Крестовых походов

Глава 1. Священная война, Святая земля

Поздним ноябрьским утром в году 1095-м папа Урбан II произнес проповедь, изменившую историю Европы. Его вдохновляющие слова дошли до самого сердца людей, собравшихся на небольшом поле вблизи Клермона – небольшого города в Южной Франции, – и в последующие месяцы его послание прокатилось по всему Западу, воспламенив ожесточенную священную войну, которой предстояло продлиться несколько веков.

Урбан заявил, что христианство находится в смертельной опасности, ему угрожает вторжение и ужасающее притеснение. Святой город Иерусалим находится в руках мусульман, людей враждебных Богу, подвергается постоянному осквернению. Он призвал латинскую Европу подняться против этого, по общему мнению, жестокого врага в качестве «воинов Христа», вернуть себе Святую землю и освободить восточных христиан из «рабства». Соблазненные обещанием того, что праведная борьба очистит их души от греха, десятки тысяч мужчин, женщин и детей отправились с Запада вести войну против мусульманского мира в Первом крестовом походе¹⁸.

Папа Урбан и идея крестоносного движения

В 1095 году, когда Урбан II провозгласил Первый крестовый поход, ему было около шестидесяти лет. Отпрыск знатного семейства из Северной Франции, бывший церковник и клюнийский монах, он стал папой в 1088 году, когда папство, пошатнувшееся после длительной и ожесточенной борьбы с германским императором, стояло на грани краха. Позиции Урбана были непрочными, и ему потребовалось шесть лет, чтобы восстановить контроль над римским Латеранским дворцом, традиционной резиденцией пап. Благодаря осторожной дипломатии и проведению умеренной, а не конфронтационной политики реформ новый папа видел постепенное возрождение своего престижа и влияния. К 1095 году это медленное восстановление, безусловно, на чалось, но предполагаемое право папства действовать как глава латинской церкви и духовный наставник каждого христианина в Западной Европе было еще далеко от реальности.

На фоне частичного восстановления престижа папства и зародилась идея Первого крестового похода. В марте 1095 года Урбан председательствовал на церковном соборе в северо-итальянском городе Пьяченца, когда прибыли послы из Византии. Они доставили обращение от греческого христианского императора Алексея I Комнина, правителя, чье ловкое и уверенное правление на десятилетия притормозило внутренний упадок великой Восточной империи.

¹⁸ Несмотря на историческую важность этой речи, не сохранилось точной записи слов Урбана. Многочисленные версии его обращения, в том числе три, приведенные очевидцами, были записаны уже после конца Первого крестового похода, но все были изрядно приукрашены, и ни одна не может считаться официальной. Тем не менее, сравнивая эти повествования с ссылками на Крестовый поход в письмах папы 1095–1096 годов, можно реконструировать основные черты его послания. Первичные источники с текстом проповеди см.: *Fulcher of Chartres. Historia Hierosolymitana (1095–1127)* / Ed. H. Hagenmeyer. Heidelberg, 1913. P. 130–138; *Robert the Monk. Historia Iherosolimitana*, RHC Occ. III. P. 727–730; *Guibert of Nogent. Dei gesta per Francos* / Ed. R.B.C. Huygens. Corpus Christianorum, Continuatio Mediaevalis. Vol. 127A. Turnhout, 1996. P. 111–117; *Baldric of Bourgueil, bishop of Dol. Historia Jerosolimitana*, RHC Occ. IV P. 12–16. Письма Урбана во время Крестового похода см.: *Hagenmeyer H. Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088–1100*. Innsbruck, 1901. P. 136–138; *Papsturkunden in Florenz* / Ed. W. Wiederhold. Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-hist. Kl. Göttingen, 1901. P. 313–314; *Papsturkunden in Spanien. I Katalonien* / Ed. P.F. Kehr. Berlin, 1926. P. 287–288. Английский перевод повествований и писем см.: *Riley-Smith L. and J.S.C. The Crusades: Idea and Reality, 1095–1274*. London, 1981. P. 37–53.

Непомерные налоги пополнили имперскую казну в Константинополе, восстановив всегда окружавшую Византию ауру могущества и щедрости, но у Алексея было много внешних врагов, в том числе турки-мусульмане из Малой Азии. Поэтому он отправил петицию относительно военной помощи в Пяченцу, настаивая, чтобы Урбан отправил латинские войска для отпора угрозе, представляемой исламом. Возможно, Алексей рассчитывал на символическую помощь в виде маленькой армии франкских наемников, которой легко управлять. На деле в течение следующих двух лет его империя была практически опустошена людским потоком.

Обращение греческого императора оказалось созвучным идеям, уже зародившимся в мозгу Урбана II; последовавшие весну и лето он их обдумывал и развивал, планируя предприятие, которое послужит достижению многих целей: нечто вроде вооруженного паломничества на Восток – «Крестовый поход». Историки иногда описывают Урбана непреднамеренным зачинщиком грандиозного начинания, ожидавшим, что на его призыв к оружию откликнется не более сотни рыцарей. Однако, судя по всему, он отлично представлял потенциальный размах предприятия, иначе не уделял бы так много внимания организации вербовки участников по всей территории Европы.

Урбан понимал, что идея экспедиции на помощь Византии предоставляет шанс не только защитить восточное христианство и улучшить отношения с греческой церковью, но также утвердить и расширить власть Рима, обуздать и перенаправить деструктивную агрессивность христиан, живущих на латинском Западе. Этот масштабный план стал главной частью кампании по расширению папского влияния за пределы Центральной Италии, на родину Урбана – Францию. С июля 1095 года он начал продолжительный тур с проповедями к северу от Альп – это был первый подобный визит папы почти за полвека – и провозгласил, что главный церковный собор будет проведен в ноябре в Клермоне, в области Овернь, расположенной в Центральной Франции. Летом и ранней осенью Урбан посетил ряд крупных монастырей, включая его собственный бывший дом в Клуни, призывая к поддержке Рима и готовя почву для идеи Крестовых походов. Он также привлек двух людей, которым предстояло сыграть центральную роль в предстоящей экспедиции: Адемара, епископа Пюи, церковника из Прованса, и горячего сторонника папства графа Раймунда Тулузского, одного из самых богатых и могущественных людей Южной Франции.

К ноябрю папа был готов огласить свои планы. Двенадцать архиепископов, восемьдесят епископов и девять аббатов собрались в Клермоне на самый крупный церковный собор за время понтификата Урбана. Там после девяти дней общих церковных дебатов папа сообщил о своем намерении произнести специальную проповедь. 27 ноября сотни зрителей собрались на поле, расположенном рядом с городом, чтобы услышать, что он скажет¹⁹.

¹⁹ О папе Урбане II и Клермонской проповеди см.: *Becker A.* Papst Urban II (1088–1099), *Schriften der Monumenta Germaniae Historica*. Vols. 2, 19 Stuttgart, 1964–1988; *Cowdrey H.E.J.* Pope Urban II's preaching of the First Crusade / *History*. Vol. 55. 1970. P. 177–188; *Cole P.* The Preaching of the Crusades to the Holy Land, 1095–1270. Cambridge, Mass., 1991. P. 1–36; *Riley-Smith J.S.C.* The First Crusaders, 1095–1131. Cambridge, 1997. P. 60–75. Больше о проповедях и ходе Первого крестового похода см.: *Riley-Smith J.S.C.* The First Crusade and the Idea of Crusading. London, 1986; *France J.* Victory in the East: A Military History of the First Crusade. Cambridge, 1994; *Flori J.* La Première Croisade: L'Occident chrétien contre l'Islam. Brussels, 2001; *Asbridge T.S.* The First Crusade: A New History. London, 2004. Рассказ, датированный и несколько неправдоподобный, но тем не менее интересный, см.: *Runciman S.* The First Crusade and the foundation of the kingdom of Jerusalem / *A History of the Crusades*. Vol. 1. Cambridge, 1951. Основные первоисточники для реконструкции истории Первого крестового похода: *Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum* / Ed. and trans. R. Hill. London, 1962; *Fulcher of Chartres*. *Historia Hierosolymitana (1095–1127)* / Ed. H. Hagenmeyer. Heidelberg, 1913; *Raymond of Aguilers*. Le «Liber» de Raymond d'Aguilers / Ed. J.H. and L.L. Hill. Paris, 1969; *Tudebode P.* *Historia de Hierosolymitano itinere* / Ed. J.H. and L.L. Hill. Paris, 1977; *Caffaro di Caschifellone*. De liberatione civitatum orientis / Ed. L.T. Belgrano. *Annali Genovesi*. Vol. 1. Genoa, 1890. P. 3–75; *Ekkehard of Aura*. *Hierosolimita* / RHC Occ. V. P. 1–40; *Ralph of Caen*. *Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana* / RHC Occ. III. P. 587–716; *Historia Belli Sacri* / RHC Occ. III. P. 169–229; *Albert of Aachen*. *Historia Ierosolimitana* / Ed. and trans. S.B. Edgington. Oxford, 2007; *Hagenmeyer H.* Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088–1100. Innsbruck, 1901; *Comnena A.* *Alexiade* / Ed. and trans. B. Leib. 3 vols. Paris, 1937–1976. Vol. 2. P. 205–236. Vol. 3. P. 7–32; *Ibn al-Qalanisi*. The Damascus Chronicle of the Crusades, extracted and translated from the Chronicle of Ibn al-Qalanisi / Trans. H.A.R. Gibb. London, 1932. P. 41–499; *Ibn al-Athir*. The Chronicle of Ibn al-Athir

Клермонская проповедь

В Клермоне Урбан призвал латинский Запад взять в руки оружие ради достижения двух связанных между собой целей. Первой он назвал необходимость защитить восточные границы христианского мира в Византии, подчеркнув узы христианского братства и якобы неминуемую угрозу мусульманского вторжения. Согласно одному из рассказов, он потребовал, чтобы его слушатели бежали со всех ног на помощь своим братьям, живущим на восточном берегу [Средиземного моря], потому что турки заполнили их территорию до самого Средиземного моря. Но эпическое предприятие, о котором говорил Урбан, не заканчивалось оказанием военной помощи Константинополю. От нее он мастерски перешел к более масштабной задаче, поставив дополнительную цель, которая не могла не затронуть сердца франков. Объединив идеалы войны и паломничества, он представил экспедицию, которая проложит дорогу к Святой земле и там овладеет Иерусалимом, самым священным местом во всем христианском мире. Урбан говорил о святости этого города, который является пупом земли, источником всего христианского учения, местом, где жил и страдал Христос²⁰.

Несмотря на то что идея нашла широкий отклик, как любому правителю, призывающему людей на войну, папе необходимо было придать своему делу ауру законности, оправданности и острой необходимости, и здесь он столкнулся с проблемой. В недавней истории не было события, которое могло бы вдохновить мстительный энтузиазм масс. Да, в Иерусалиме правили мусульмане, но так было начиная с VII века. И если Византия действительно оказалась перед угрозой турецкой агрессии, западному христианству пока не грозило вторжение и уничтожение от рук ближневосточных приверженцев ислама. Учитывая отсутствие примеров ужасающей жестокости и непосредственной угрозы, Урбан решил создать ощущение безотлагательности и вызвать тягу к возмездию, как можно более очернив врага предлагаемого Крестового похода.

Мусульман он изобразил нечеловечески жестокими дикарями, склонными к варварскому надругательству над христианством. Урбан рассказал, что турки убивали и уводили в плен многих греков, разрушали церкви и опустошали Царство Божие. Он также утверждал, что христианские паломники на Святую землю подвергались издевательствам и эксплуатации со стороны мусульман, богатых лишали богатств незаконными поборами, а бедных подвергали пыткам.

Жестокость этого безбожного люда дошла до того, что они, думая, что несчастный проглотил золото или серебро, или добавляют скаммоний в его питье и заставляют опорожнить свои внутренности, или – и это чудовищно – они растягивают в разные стороны покровы внутренностей, вспоров живот клинком, вынося на свет то, что природа держит в тайне, калеча тела.

Относительно христиан, живущих под мусульманским правлением в Леванте, было сказано, что они мечом, грабежом и огнем низведены до положения рабов. Жертвы постоянных гонений, эти несчастные подвергаются насильственному обрезанию, потрошению или приносятся в жертву. Что же касается насилия над женщинами, сообщил папа, об этом хуже говорить, чем умолчать. Урбан весьма умело использовал яркие и наглядные образы, разжигающие ненависть, сродни тем, которые в современном мире могут быть связаны с военными преступлениями или геноцидом. Его обвинения не имели практически ничего общего с реальностью мусульманского правления на Ближнем Востоке, но невозможно оценить, действительно

for the crusading period from al-Kamil fi'l-Ta'rikh / Trans. D.S. Richards. Vol. 1. Aldershot, 2006. P. 13–22; *Matthew of Edessa. Armenia and the Crusades, Tenth to Twelfth Centuries: The Chronicle of Matthew of Edessa* / Trans. A.E. Dostourian. Lanham, 1993. P. 164–173. Собрание переведенных источников см.: *The First Crusade: The Chronicle of Fulcher of Chartres and other source materials* / Ed. E. Peters, 2nd edn. Philadelphia, 1998. Введение в эти источники см.: *Edgington S.B. The First Crusade: Reviewing the Evidence / The First Crusade: Origins and Impact*. Ed. J.P. Phillips. Manchester, 1997. P. 55–77. См. также: *Goitein S.D. Geniza Sources for the Crusader period: A survey / Outremer*. Ed. B.Z. Kedar, H.E. Mayer, R.C. Smail. Jerusalem, 1982. P. 308–312.

²⁰ *Fulcher of Chartres*. P. 132–133; *Robert the Monk*. P. 729; *Guibert of Nogent*. P. 113; *Baldric of Bourgueil*. P. 13.

ли папа верил своей пропаганде, или сознательно вел кампанию манипулирования и искажения действительности. В любом случае его откровенная дегуманизация мусульманского мира послужила превосходным катализатором «крестоносного» дела и позволила ему утверждать, что борьба против «чужих» была предпочтительнее, чем война между христианами и внутри Европы²¹.

Решению Урбана II осудить ислам предстояло иметь крайне неприятные и длительные последствия в предстоящие годы. Но важно понимать, что в действительности идея конфликта с мусульманским миром не была записана в ДНК крестоносного движения. Урбан представлял себе религиозную экспедицию, санкционированную Римом и направленную прежде всего на защиту и повторное завоевание святой территории. В некотором смысле его выбор ислама в качестве врага был случайным, и нет оснований предполагать, что латиняне или их греческие союзники действительно считали мусульманский мир своим заклятым врагом до 1095 года²².

Возбуждающая идея о возмездии за «отвратительные надругательства», возникшая благодаря обвинению мусульман во всех смертных грехах, могла захватить слушателей Урбана в Клермоне, но его «крестоносное» послание содержало и более мощный соблазн, затронувший саму природу существования средневекового христианина. Воспитанные в религиозной вере, которая подчеркивала страшную угрозу греха и проклятия, латиняне Запада были втянуты в отчаянную духовную борьбу, продолжавшуюся всю жизнь, за уничтожение порочности в своих душах. Постоянно стараясь найти искупление, они были абсолютно покорены, когда папа сказал, что экспедиция на восток будет считаться священным предприятием и участие в ней даст освобождение от всех грехов. В прошлом даже «справедливая война» (то есть насилие, которое Бог приемлет как необходимое) все же считалась греховной. Но теперь Урбан заговорил о конфликте, который преступал традиционные границы. Его дело должно было стать священным, приобрести характер священной войны, с которой Бог не просто мирился, а активно поддерживал и одобрял. Как утверждает один из свидетелей, папа даже заявил, что «Христос приказывает верующим» вступать в ряды крестоносцев.

Гений Урбана позволил ему создать идею Крестовых походов в рамках существующей религиозной практики, таким образом, чтобы, по крайней мере говоря языком XI века, связь, установленная им между войной и спасением, имела ясный рациональный смысл. В 1095 году латинские христиане были привычны к понятию о том, что наказание за грехи может быть отменено покаянием и выполнением искупительных действий, таких как молитва, пост или паломничество. В Клермоне Урбан соединил знакомое понятие спасительной экспедиции с более смелой концепцией сражения за Господа, требуя, чтобы любой человек, не важно, к какому классу он принадлежит, беден он или богат, рыцарь или пеший солдат, присоединился к тому, что должно было стать, по сути, вооруженным паломничеством. Это монументальное предприятие, чреватое опасностями и угрозой ужасных страданий, приведет его участников к воротам Иерусалима, главной цели христианских паломников. В качестве такового оно будет иметь огромный искупительный потенциал, станет суперискуплением, способным избавить душу от любых прегрешений.

От осквернения Святого города чуждыми Богу людьми до обещания нового пути к искуплению Урбан сотворил убедительную и эмоциональную мешанину образов и идей в поддержку своего призыва к оружию. Эффект был очевиден, «глаза одних были полны слез, другие дрожали». Сделав решительный шаг, который, вероятнее всего, был предварительно запланиро-

²¹ *Fulcher of Chartres*. P. 134; *Guibert of Nogent*. P. 116; *Hagenmeyer H. Kreuzzugsbriefe*. P. 136; *Robert the Monk*. P. 727–728; *Hamilton B. Knowing the enemy: Western understanding of Islam at the time of the crusades / Journal of the Royal Asiatic Society*, 3rd series. Vol. 7. 1997. P. 373–387.

²² Нередко считают, что крестоносное движение было формой насильственного распространения христианского Евангелия. В действительности, по крайней мере вначале, религиозное обращение не было существенным элементом идеологии крестоносцев.

ван, епископ Адемар первым выступил вперед и объявил о своем участии. На следующий день он был объявлен папским легатом (официальным представителем Урбана) в предстоящей экспедиции. Как ее духовный лидер, он должен был продвигать планы папы, не последним из которых было ослабление напряженности в отношениях с греческой византийской церковью. В то же самое время прибыли посланцы от Раймунда Тулузского, сообщившие о поддержке графом крестоносного движения. Речь Урбана имела большой успех, и в течение следующих семи месяцев он продолжал проповедовать в самых разных городах, доводя свое послание до ума французов²³.

И все же, хотя Клермон может считаться местом зарождения Первого крестового похода, было бы неверно называть Урбана II единственным создателем идеала крестоносного движения. Ранние историки по праву указывали на его долг перед прошлым, в первую очередь имея в виду папу Григория VII и его исследование теории священной войны. Но также важно признать, что идея Первого крестового похода – его природы, намерений и наград – претерпевала постоянное органичное развитие на протяжении всей экспедиции. В действительности этот процесс продолжался и после события, поскольку мир стремился понять и истолковать столь эпохальное мероприятие. Слишком просто говорить о Первом крестовом походе как об одной хорошо организованной группе людей, которые, откликнувшись на призыв папы Урбана, двинулись в Иерусалим. В действительности после ноября 1095 года движение шло отдельными, не согласованными между собой волнами. Даже группы, которые мы обычно называем «главными армиями» похода, начали первую стадию путешествия не как единая сила, а скорее как неорганизованное скопление мелких формирований, уже в пути организовавших общее управление.

Не прошло и месяца после первой проповеди Урбана II, как разные народные (и прочие несанкционированные) проповедники по всей Европе начали призывать к Крестовому походу. У этих очевидных демагогов некоторые тонкости, окружавшие духовные награды, связанные с экспедицией, – индульгенции крестоносцев – выветрились. Урбан, вероятнее всего, планировал, что предлагаемое отпущение будет применяться только к мирскому наказанию за признанные грехи; довольно сложная формула, но придерживающаяся строгого церковного закона. Судя по более поздним событиям, многие крестоносцы думали, что получили точную гарантию небесного спасения, и верили, что, если умрут во время кампании, станут святыми мучениками. Такие идеи ассоциировались с Крестовыми походами еще несколько веков и являлись сутью противоречий между официальной и народной концепцией священных войн.

Следует отметить, что папа Урбан не изобрел термин «Крестовый поход». Экспедиция, начало которой было положено в Клермоне, была настолько новой и в некоторых отношениях эмбриональной по своей концепции, что для ее описания не существовало слова. Современники называли Крестовый поход просто *iter* (путешествие) или *peregrinatio* (паломничество). Только в конце XII века появилась более специфическая терминология – слово *crucesignatus* (тот, кто обозначен крестом) – «крестоносец», и со временем было повсеместно принято французское слово *croisade*, которое грубо переводится как «путь креста». Впоследствии историками был принят термин «Крестовый поход» для обозначения христианских священных войн, которые велись после 1095 года. Но мы должны понимать, что это придает обманчивую ауру связи и сходства с ранними «Крестовыми походами»²⁴.

²³ Hagenmeyer H. Kreuzzugsbriefe. P. 136; Fulcher of Chartres. P. 134–135; Baldric of Bourgueil. P. 15; Brundage J.A. Adhémar of Le Puy: The bishop and his critics / Speculum. Vol. 34. 1959. P. 201–212; Hill J.H. and L.L. Contemporary accounts and the later reputation of Adhémar, bishop of Le Puy / Mediaevalia et humanistica. Vol. 9. 1955. P. 30–38; Mayer H.E. Zur Beurteilung Adhemars von Le Puy / Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Vol. 16. 1960. P. 547–552. Урбан впледел ряд дополнительных тем в свое «крестоносное» послание: став «солдатом Христа», человек выполняет квазифеодальные обязательства перед Богом, повелителем «небесного королевства»; присоединение к экспедиции позволит человеку пройти по следу Христа и Его страданий на кресте; что Последние дни приближаются и только завоевание Иерусалима может возвестить приход Апокалипсиса.

²⁴ Об Урбане, прародителе Крестового похода, отношении к мученичеству и развитию крестоносного идеала см.: Erdmann C. The Origin of the Idea of Crusade. Princeton, 1977; Gilchrist J.T. The Erdmann thesis and canon law, 1083–1141 / Crusade and

Зов креста

В месяцы после Клермонского собора призыв к Крестовому походу распространился по всей Западной Европе, вызвав беспрецедентную реакцию. В то время как Урбан II пропагандировал свою идею во Франции, епископы всего латинского мира передали его призыв в своих епархиях.

Призыв также подхватили народные проповедники – подстрекатели, деятельность которых не санкционировалась и не регулировалась церковью. Одним из самых известных был Петр Пустынник. Вероятнее всего, он был выходцем из бедных кварталов Амьена (северо-восток Франции) и прославился своим аскетическим кочевым образом жизни и не обычным рационом – один современник написал, что он «жил на вине и рыбе и вряд ли когда-нибудь ел хлеб». По современным меркам он считался бы бродягой, но французская беднота XI века почитала его как пророка. Его святость была настолько велика, что последователи собирали шерстинки его мула и хранили их как реликвию. Греческий современник написал: «Создавалось впечатление, что его устами говорил Бог, и голос его доходил до сердца каждого; Петр Пустынник вдохновлял франков отовсюду собираться, брать оружие, лошадей и прочее военное снаряжение». Он, должно быть, действительно был прекрасным оратором, поскольку в течение шести месяцев после Клермона сумел набрать армию, в основном состоявшую из бедного люда, численностью более 15 тысяч человек. В историю эта армия, вместе с рядом других контингентов из Германии, вошла под названием «Народный крестовый поход». Воодушевленные идеей священной войны, ее части выступили в направлении Святой земли весной 1096 года, за несколько месяцев до всех остальных армий, являя собой, по сути, неорганизованную, не подчиняющуюся дисциплине толпу. По пути некоторые «крестоносцы» самостоятельно пришли к выводу, что вполне могут сражаться с «врагами Христа» и ближе к дому, устроив ужасную резню евреев в Рейнской области. Оказавшись на мусульманской территории, армия Народного крестового похода была почти сразу же уничтожена, хотя Петр Пустынник выжил²⁵.

Пусть первая волна Крестовых походов окончилась неудачей, но в это время на Западе уже собирались более крупные армии. Народные сборища, на которых искусные ораторы призывали людей присоединяться к крестоносному движению, проводились повсеместно. Идея пропагандировалась и неофициально среди родственников, а также при посредстве сети папских сторонников и связей между монастырскими общинами и знатью. Историки продолжают спорить относительно численности участников, главным образом из-за ненадежности современных оценок (некоторые авторы утверждают, что численность крестоносного воинства перевалила за полмиллиона человек). Достаточно правдоподобным является предположение, что в Первый крестовый поход выступило от 60 до 100 тысяч латинян, из которых от 7 до 10 тысяч человек были рыцарями, 35–50 тысяч – пехотинцами, остальные не участвовали в боевых дей-

Settlement. Ed. P.W. Edbury. Cardiff, 1985. P. 37–45; *Blake E.O.* The formation of the «crusade idea» / *Journal of Ecclesiastical History*. Vol. 21. 1970. P. 11–31; *Cowdrey H.E.J.* The genesis of the crusades: The springs of western ideas of holy war / *The Holy War*. Ed. T.P. Murphy. Columbus, 1976. P. 9–32; *Flori J.* La formation de l'idée des croisades dans l'Occident Chrétien. Paris, 2001; *Riley-Smith J.S.C.* Death on the First Crusade / *The End of Strife*. Ed. D. Loades. Edinburgh, 1984. P. 14–31; *Cowdrey H.E.J.* Martyrdom and the First Crusade / *Crusade and Settlement*. Ed. P.W. Edbury. Cardiff, 1985. P. 46–56; *Flori J.* Mort et martyre des guerriers vers 1100. L'exemple de la Première Croisade / *Cahiers de civilisation médiévale*. Vol. 34. 1991. P. 121–139; *Morris C.* Martyrs of the Field of Battle before and during the First Crusade / *Studies in Church History*. Vol. 30. 1993. P. 93–104; *Riley-Smith J.S.C.* What Were the Crusades? 3rd edn. Basingstoke, 2002; *Tyerman C.J.* Were there any crusades in the twelfth century? / *English Historical Review*. Vol. 110. 1995. P. 553–577; *Tyerman C.J.* The Invention of the Crusades. London, 1998.

²⁵ *Guibert of Nogent*. P. 121; *Comnena A.* Vol. 2. P. 207; *Blake E.O.*, *Morris C.* A hermit goes to war: Peter and the origins of the First Crusade / *Studies in Church History*. Vol. 22. 1985. P. 79–107; *Morris C.* Peter the Hermit and the Chroniclers / *The First Crusade: Origins and Impact*. Ed. J.P. Phillips. Manchester, 1997. P. 21–34; *Flori J.* Pierre l'Ermite et la Première Croisade. Paris, 1999; *Riley-Smith J.S.C.* The First Crusade and the Idea of Crusading. P. 49–57; *Riley-Smith J.S.C.* The First Crusade and the persecution of the Jews / *Studies in Church History*. Vol. 21. 1984. P. 51–72; *Chazan R.* European Jewry and the First Crusade. Berkeley, 1987; *Asbridge T.S.* The First Crusade. P. 78–89, 100–103.

ствиях (старики, женщины, дети). Определенно можно утверждать лишь то, что призыв к Крестовому походу вызвал необычайно большой отклик, масштаб которого потряс средневековый мир. После грандиозных походов Древнего Рима такие армии больше не собирались²⁶.

В сердце этих армий находились рыцари – военная элита Средних веков²⁷. Папа Урбан II очень хорошо знал тревогу этих христианских воинов, вовлеченных в земную профессию, связанную с насилием, и находящихся под влиянием церкви, учившей, что греховная война приведет к проклятию. Один из современников заметил: «Бог основал в наше время священные войны, чтобы рыцари и толпа, бегущая за ними... могли найти новый путь к спасению. Таким образом, они не должны полностью отказываться от своих мирских дел, избирая монашескую жизнь или любую религиозную профессию, как это было принято, а добиваются милости Господней, продолжая свою карьеру, пользуясь свободой и нося одежду, к которой они привыкли».

Папа «сконструировал» идею вооруженного паломничества, по крайней мере частично, чтобы разрешить духовную дилемму рыцарской аристократии. Он также знал, что, если знать будет на его стороне, за свитой рыцарей и пехотинцев дело не станет. Ведь, хотя участие в Крестовых походах было добровольным, социальные группы объединяла сложная паутина семейных уз и феодальной зависимости. На самом деле Урбан инициировал цепную реакцию, в процессе которой каждый аристократ, решивший отправиться в Крестовый поход, становился эпицентром расходящейся волны вербовки.

Короли не присоединились к экспедиции – вероятно, были слишком поглощены собственными политическими комбинациями, однако сливки западной христианской аристократии приняли в ней участие. Это были представители самой высокородной знати Франции, Западной Германии и Нидерландов, которые вполне могли бросить вызов, а в некоторых случаях и затмить власть короля. Они, конечно, обладали весьма существенной независимой властью и могли именоваться «князьями». Каждый из этих князей командовал собственным военным контингентом, но также привлекал большие группы сторонников, связанных с ним феодальной зависимостью, семейными узами и даже общими этническими и лингвистическими корнями.

Граф Раймунд Тулузский, самый могущественный мирской властелин на юго-востоке Франции, был первым, вызвавшимся участвовать в походе. Ярый сторонник папских реформ и союзник Адемара из Пюи, граф почти наверняка был привлечен на свою сторону Урбаном еще до клермонской проповеди. Доживший до середины пятого десятка Раймунд был самым старым князем, принявшим участие в экспедиции. Гордый и упрямый, обладавший завидным богатством, властью и влиянием, он принял командование над армиями Прованса и Южной Франции. Позднее легенда приписала ему участие в кампании против мавров Иберийского полуострова и даже в паломничестве в Иерусалим, во время которого он лишился одного глаза в наказание за отказ платить заоблачную дань, наложенную мусульманами на латинских паломников. И в самом деле, утверждают, что граф вернулся на Запад с одним глазом в кармане – своеобразным талисманом его ненависти к исламу. Возможно, все эти рассказы – всего лишь

²⁶ Эта оценка близка к расчетам, сделанным J. France в кн. *Victory in the East*. P. 122–142. О других недавних вкладах в этот спорный вопрос см.: *Bachrach B. The siege of Antioch: A study in military demography / War in History*. Vol. 6. 1999. P. 127–146; *Riley-Smith J.S.C. The First Crusaders*. P. 109; *Riley-Smith J.S.C. Casualties and the number of knights on the First Crusade / Crusades*. Vol. 1. 2002. P. 13–28.

²⁷ Как правило, первые рыцари-крестоносцы носили то, что по меркам Средневековья считалось тяжелыми доспехами: конический стальной шлем на кольчужном капюшоне или шапке, кольчужную рубашку длиной до бедер поверх подбитой куртки – все это могло защитить от скользящего удара, но не от сильного колющего или рубящего удара. Для этого существовал оправленный металлом деревянный щит. Стандартным оружием ближнего боя было копье и одноручный обоюдоострый длинный меч (около двух футов [61 см]). Эти тяжелые, отлично сбалансированные клинки были полезнее как дубинки, чем как колюще-режущее оружие. Рыцари и пехотинцы также часто использовали длинные луки – около шести футов (183 см) длиной. Они могли посылать стрелы на расстояние до 300 ярдов (274 м). Некоторые использовали примитивные арбалеты.

фантазии, но тем не менее Раймунд, безусловно, обладал опытом и, что более важно, ресурсами, чтобы претендовать на общее мирское командование походом²⁸.

Самым очевидным соперником графа в борьбе за это положение был сорокалетний норманнский граф с юга Италии Боэмунд Тарентский. Будучи сыном Роберта Гвискара (Хитрого), одного из норманнских авантюристов, завоевавших южную часть Италии в XI веке, Боэмунд получил бесценный военный опыт. Сражаясь рядом с отцом в 1080 году в четырехлетней Балканской кампании против греков, Боэмунд познал реалии командования на поле боя и принципы осадной войны. Ко времени начала Первого крестового похода Боэмунд имел весьма внушительный послужной список, и один из современников написал, что этот человек «не имел себе равных в отваге и знании искусства войны». Даже византийские противники признавали, что он неизменно приковывал к себе внимание.

«Появление Боэमुна, если говорить кратко, не было похоже на появление никакого другого человека, которого знал в те дни римский мир, – грека или варвара. Его вид внушал восхищение, упоминание его имени – страх. <...> Его комплекция была такова, что он возвышался почти на целый кубит над самым высоким человеком. Он был узок в талии и бедрах, имел широкие плечи и грудь, сильные руки. <...> Кожа на всем его теле была очень белой, если не считать лица, которое было и белым, и красным. Его волосы были светло-каштановыми и не такими длинными, как у других варваров (то есть они не доставали до плеч). <...> Глаза были светло-голубыми, и по ним можно было судить о силе духа и достоинстве этого человека. В его внешности было определенное очарование, и вместе с тем некая дикая суровость. Такое впечатление создавалось из-за его огромного роста и цвета глаз, даже его смех для многих звучал угрожающе».

Но, несмотря на все свои достоинства, Боэмунду не хватало богатства, поскольку он был лишен наследства своим жадным сводным братом. Движимый алчностью, он присоединился к крестоносцам летом 1096 года, преследуя не только духовные, но и вполне мирские личные цели: он мечтал о новом левантийском поместье лорда, которое он мог бы назвать своей собственностью. В походе Боэмуна сопровождал его племянник Танкред Отвиль. Едва достигший двадцатилетнего возраста, не имевший военного опыта юноша тем не менее обладал неистощимым энтузиазмом (и, очевидно, умел говорить по-арабски). Он быстро занял положение заместителя командира в относительно маленькой, но грозной армии южноитальянских норманнов, которые последовали за Боэмундом на восток. Со временем Танкред стал одной из самых заметных фигур крестоносного движения²⁹.

Крестоносцы с юга Франции и итальянские норманны были сторонниками реформ папства, но после 1085 года даже некоторые заклятые враги папства присоединялись к экспедиции в Иерусалим. Таким был, к примеру, Годфруа Буйонский (Годфрид Бульонский) из Лотарингии. Он родился около 1060 года, был вторым сыном графа Булонского и вел свою родословную от Карла [Великого] (позднее легенды утверждали, что он был рожден лебедью). Говорили, что он был выше среднего роста, силен сверх всякой меры, имел крепкие конечности, широкую грудь, приятные черты лица, бороду и светлые волосы. Годфруа носил титул герцога Нижней Лотарингии, но не сумел установить свою власть в этом, как известно, изменчивом регионе и, возможно, стал крестоносцем в надежде на начало новой жизни в Святой земле. Несмотря на разговоры о том, что он захватывал церковную собственность, и ограниченный военный опыт, в последующие годы Годфруа доказал свою верность идеалам движения и проявил способности хладнокровного командира.

²⁸ *Guibert of Nogent*. P. 87; *Hill J.H. and L.L. Raymond IV, Count of Toulouse*. Syracuse, 1962.

²⁹ *William of Malmesbury*. *Gesta Regum Anglorum* / Ed. and trans. R.A.B. Mynors, R.M. Thomson, M. Winterbottom. Vol. 1. Oxford, 1998. P. 693; *Comnena A.* Vol. 3. P. 122–123; *Yewdale R.B.* Bohemond I, Prince of Antioch. Princeton, 1917; *Nicholson R.L.* Tancred: A Study of His Career and Work in Their Relation to the First Crusade and the Establishment of the Latin States in Syria and Palestine. Chicago, 1940.

Годфруа занимал важное место в неорганизованном конгломерате войск из Лотарингии и Германии. К нему присоединился брат – Бодуэн Булонский. Как сообщается, он был темноволосым человеком и имел более светлую кожу, чем Годфруа. Еще Бодуэн обладал острым проницательным взглядом. Как и Танкред, он возвысился из относительной безвестности в ходе Крестового похода, показал бычье упорство в бою и ненасытную потребность двигаться вперед.

Эти пять князей – Раймунд Тулузский, Боэмунд Тарентский, Годфруа Буйонский, Танкред Отвиль и Бодуэн Булонский – сыграли центральные роли в экспедиции в Иерусалим, возглавив три главные франкские армии. Они оказали решающее влияние на раннюю историю крестоносного движения. Четвертый и последний контингент из Северной Франции также присоединился к кампании. В этой армии главенствовала тесная родственная группа из трех аристократов. Это имеющий большие связи Роберт, герцог Нормандский, старший сын Вильгельма Завоевателя и брат Вильгельма Руфуса [Рыжего], короля Англии, родственник Роберта – Этьен, граф де Блуа, и его тезка и кузен Роберт II, граф Фландрии.

Для этих правителей, их последователей и, возможно, даже представителей бедных классов процесс вступления в ряды крестоносцев был связан с драматической и эмоциональной церемонией. Каждый человек произносил клятву совершить путешествие в Иерусалим и затем, как знак своей принадлежности к братству крестоносцев, нашивал на свою одежду изображение креста. Когда Боэмунд Тарентский услышал призыв к оружию, его реакция была мгновенной: «Вдохновленный Святым Духом, он велел принести свой самый ценный плащ, который приказал разрезать на кресты, и многие рыцари, которые были там, сразу же присоединились к нему, поскольку тоже были исполнены энтузиазма». Кое-где церемонии принимали экстремальный характер – кресты вырезались на теле, а надписи делались кровью.

Процесс идентификации по отчетливо видимому символу должен был выделить крестоносцев из общей массы и создать группу, а клятва давала крестоносцам официальных защитников их самих и их собственности. Описания этих церемоний, сделанные современниками, подчеркивают духовную мотивацию. Мы могли бы поставить под сомнение подобные свидетельства, учитывая, что они почти всегда исходили от церковников, однако они подтверждаются большим числом официальных документов, составленных или самими крестоносцами, или по их распоряжению, чтобы привести в порядок дела перед отправлением в Иерусалим. Эти материалы подтверждают, что многие крестоносцы действительно видели свои действия в религиозном контексте. Один крестоносец, Бертран де Монконтур, настолько проникся религиозными чувствами, что решил отказаться от земель, которые незаконно удерживал у себя, не желая возвращать монастырю в Вандоме, потому что уверовал: нельзя идти по пути Бога, имея в руках то, что украдено у церкви. Документальные свидетельства также отражают атмосферу страха и самопожертвования. Будущие крестоносцы, судя по всему, испытывали тревогу относительно долгого и опасного пути, в который отправлялись. Но в то же самое время они не останавливались перед тем, чтобы продать буквально всю свою собственность, чтобы только принять участие в экспедиции. Даже Роберт Нормандский был вынужден заложить свое герцогство брату. Некогда модный миф о том, что крестоносцы были своекорыстными, не имевшими наследства и жаждущими получить земли младшими сыновьями, следует развенчать. Участие в Крестовых походах было деятельностью, которая могла принести духовное и материальное вознаграждение, но в первую очередь это была устрашающая и в высшей степени дорогостоящая деятельность. Набожность вдохновила Европу на Крестовые походы, и впоследствии первые крестоносцы не раз доказали, что их самое мощное оружие – общее чувство цели и нерушимая духовная решимость³⁰.

³⁰ *Andressohn J.C.* The Ancestry and Life of Godfrey of Bouillon. Bloomington, 1947; *Gindler P.* Graf Balduin I von Edessa. Halle, 1901; *David C.W.* Robert Curthose, Duke of Normandy. Cambridge, Mass., 1920; *Aird W.M.* Robert Curthose, Duke of Normandy.

Византия

Начиная с ноября 1096 года главные армии Первого крестового похода начали прибывать в великий город Константинополь (Стамбул), древние ворота на Восток и столицу Византийской империи. В течение шести следующих месяцев разные контингенты экспедиции прошли через Византию на пути в Малую Азию к границе исламского мира. Константинополь был удобным местом для того, чтобы собрать разные отряды крестоносцев, поскольку он стоял на традиционном пути паломников к Святой земле, а франки шли на восток с намерением помочь своим греческим братьям.

Честолюбивые замыслы Алексея

Византийский император Алексей I Комнин уже был свидетелем краха Народного крестового похода, и обычно считают, что он ожидал главных сил крестоносцев с недоверием и подозрением. Его дочь и биограф Анна Комнина написала, что Алексей опасался прибытия франков, зная об их неконтролируемом энтузиазме, непостоянстве, нерешительности и жадности. Она также изобразила крестоносцев варварами Запада и с особой язвительностью описала Боэмунда, назвав его обыкновенным негодяем, к тому же лжецом по натуре. Основываясь на ее оскорбительной риторике, историки часто изображают ранние греко-латинские встречи 1096–1097 годов как исполненные недоверия и скрытой враждебности. В действительности рассказ Анны Комнины, написанный спустя несколько десятилетий после события, был изрядно искажен ретроспективным взглядом на него. Конечно, отношение друг к другу было настороженным, не обошлось без антипатии, враждебности и даже стычек. Но, по крайней мере, вначале они были вполне конструктивными³¹.

Чтобы правильно понять путешествие первых крестоносцев через Византию и за ее пределы, следует реконструировать предубеждения и предрассудки и франков, и греков. Многие считают, что в части богатства, могущества и культуры в европейской истории всегда доминировал Запад. Но в XI веке фокусная точка цивилизации находилась на Востоке, в Византии, наследнице греко-римского могущества и славы, продолжательнице самой прочной империи. Алексей мог проследить свое имперское наследство от Августа Цезаря и Константина Великого, и для франков это окружало императора и его владения почти мистической аурой величия.

Прибытие крестоносцев в Константинополь еще более усилило это впечатление. Стоя перед его колоссальными внешними стенами – длиной четыре мили (6,5 км), толщиной до пятнадцати футов (4,5 м), высотой до шестидесяти футов (18 м) – они не сомневались, что созерцают сердце величайшей державы христианской Европы. Тем, кому повезло получить разрешение на вход в столицу, довелось увидеть еще больше чудес. Этот город, вмещавший около полумиллиона человек, заставлял казаться маленькой деревенькой самый круп-

Woodbridge, 2008; *Brundage J.A.* An errant crusader: Stephen of Blois / *Traditio*. Vol. 16. 1960. P. 380–395; *Gesta Francorum*. P. 7; *Brundage J.A.* Medieval Canon Law and the Crusader. Madison, 1969. P. 17–18, 30–39, 115–121; *Brundage J.A.* The army of the First Crusade and the crusade vow: Some reflections on a recent book / *Medieval Studies*. Vol. 33. 1971. P. 334–343; *Riley-Smith J.S.C.* The First Crusaders. P. 22–23, 81–82, 114; *Mayer H.E.* The Crusades. P. 21–23; *Riley-Smith J.S.C.* The First Crusade and the Idea of Crusading. P. 47; *France J.* Victory in the East. P. 11–16; *Asbridge T.S.* The First Crusade. P. 66–76; *Housley N.* Contesting the Crusades. P. 24–47.

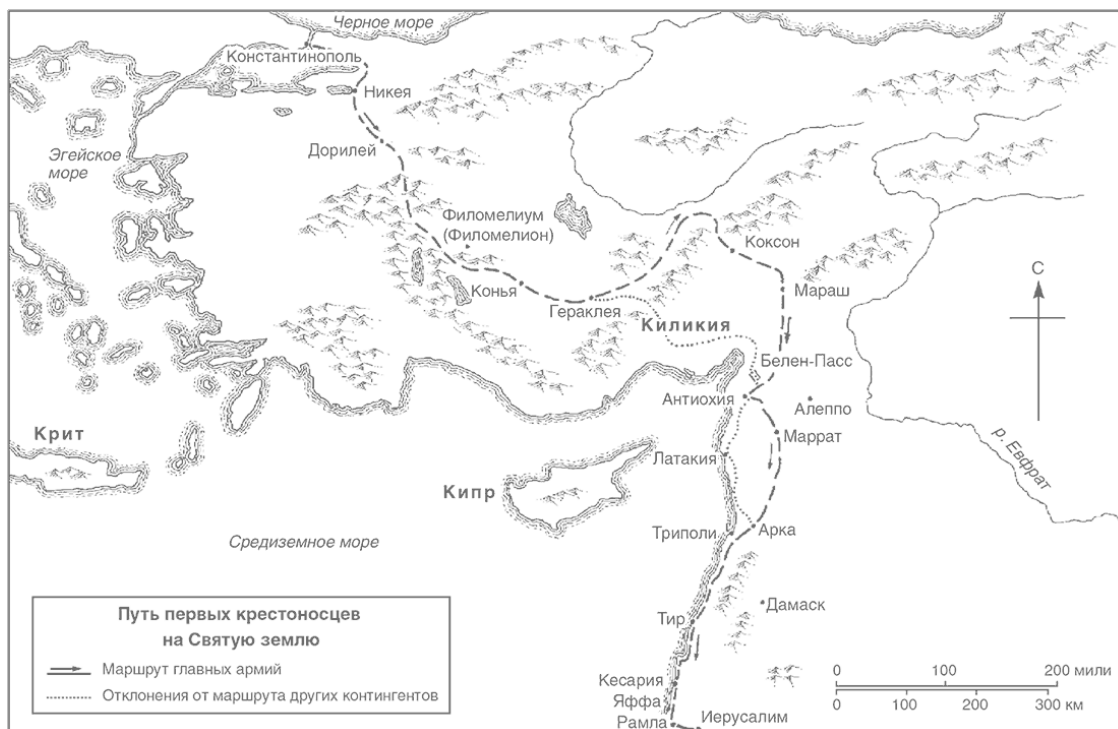
³¹ *Comnena A.* Vol. 2. P. 206–207, 233. Об истории Византии см.: *Angold M.* The Byzantine Empire, 1025–1204: A Political History. 2nd edn. London, 1997. Об отношениях между крестоносцами и Византией во время Первого крестового похода см.: *Lilie R.-J.* Byzantium and the Crusader States 1096–1204 / Trans. J.C. Morris and J.E. Ridings. Oxford, 1993. P. 1–60; *Pryor J.H.* The oaths of the leaders of the First Crusade to emperor Alexius I Comnenus: fealty, homage, pistis, douleia / *Parergon*. Vol. 2. 1984. P. 111–141; *Shepard J.* Cross purposes: Alexius Comnenus and the First Crusade / *The First Crusade: Origins and Impact*. Ed. J.P. Phillips. Manchester, 1997. P. 107–129; *Harris J.* Byzantium and the Crusades. London, 2006. P. 53–71.

ный город Европы. Посетители смогли полюбоваться украшенной куполом базиликой Святой Софии, самой красивой церковью христианского мира, увидеть гигантские триумфальные статуи легендарных предков Алексея. В Константинополе также находилась непревзойденная коллекция святых реликвий, включая терновый венец Христа, пряди волос Святой Девы, по меньшей мере две головы Иоанна Крестителя и мощи практически всех апостолов.

Естественно, многие крестоносцы ожидали, что их экспедиция начнется на службе у императора. Со своей стороны, Алексей встретил франкские армии настороженно и постоянно следил за ними на пути от границ его империи к столице. Он считал Крестовый поход военным инструментом, который следовало использовать для защиты своих владений. Попросив помощи у папы Урбана в 1095 году, он теперь оказался лицом к лицу с ордами латинских крестоносцев. Но, несмотря на их предполагаемую неуправляемую дикость, он понял, что кипучую энергию франков можно использовать в интересах империи. Управляемый осторожно и твердо, Крестовый поход мог стать решающим оружием для отвоевания у турок-сельджуков Малой Азии. Таким образом, и греки, и латиняне были изначально настроены на сотрудничество, но тем не менее семена раздора присутствовали. Большинство франков ожидало, что император лично возглавит армии и поведет их – гигантскую коалицию – к воротам Иерусалима. У Алексея таких планов не было. Для него главными всегда были нужды Византии, а не Крестового похода. Он был готов помочь латинянам и извлечь выгоду из их успехов, если таковые будут, особенно если они помогут ему отразить угрозу со стороны ислама и, возможно, даже вернуть стратегически важный город Антиохию. Но он не собирался подвергать свою династию опасности свержения, а империю – опасности вторжения, начав продолжительный военный поход на далекую Святую землю. Разница в целях и ожиданиях будет иметь трагические последствия.

На службе у императора

Решив навязать франкам свою власть, Алексей воспользовался разобщенностью крестоносцев и старался договариваться с каждым лидером группы отдельно по мере их прибытия в Константинополь. Он также воспользовался впечатляющим великолепием своей столицы, чтобы запугать латинян. 20 января 1097 года один из первых прибывших князей – Годфруа Буйонский – был приглашен на аудиенцию к Алексею в сопровождении своих самых знатных спутников. Аудиенция проходила в роскошном императорском дворце Влахерн. Годфруа, вероятно, обнаружил императора сидящим, как обычно, и выглядящим необычайно внушительно. Алексей не встал, чтобы поздороваться с герцогом и остальными. Сохраняя царственный вид, Алексей потребовал от Годфруа обещания, что «какие бы города, страны или крепости он ни взял в будущем, которые раньше принадлежали Римской империи, он передаст их чиновнику, назначенному императором». Это означало, что любая территория, захваченная в Малой Азии и даже за ее пределами, будет принадлежать Византии. Тогда герцог принес императору присягу на вассальную зависимость, создав взаимно обязывающий союз, который подтвердил право Алексея направлять Крестовый поход, но также позволял Годфруа рассчитывать на императорскую помощь и совет. В характерном для Византии шоу необычайной щедрости император смягчил этот акт капитуляции, обрушив на франкского князя дождь из подарков – золото, серебро, драгоценные ткани и лошади. Сделав дело, Алексей весьма оперативно отправил Годфруа и его армию через Босфор – узкий пролив, соединяющий Средиземное и Черное моря и разделяющий Европейский и Азиатский континенты, чтобы избежать потенциально дестабилизирующей обстановку концентрации латинских войск у стен Константинополя.



В последующие месяцы практически все лидеры крестоносцев последовали примеру герцога Годфруа. В апреле 1097 года Боэмунд Тарентский заключил мир с бывшим своим противником – греческим императором, с готовностью согласившись дать клятву. Он получил богатое вознаграждение – целую комнату, набитую сокровищами, отчего у него, если верить Анне Комнине, глаза полезли на лоб. Три франкских аристократа захотели избежать сетей Алексея. Подгоняемые честолюбием Танкред Отвиль и Бодуэн Булонский сразу переправились через Босфор, чтобы избежать клятвы, но позднее все же подчинились. Только Раймунд, граф Тулузский, упорно сопротивлялся предложениям византийского императора, но в конце концов согласился дать клятву не угрожать власти и владениям Алексея³².

Осада Никеи

Главные армии Первого крестового похода начали собираться на побережье Малой Азии в феврале 1097 года, и в течение следующих месяцев их количество постепенно увеличилось до 75 тысяч, в том числе 7500 тяжеловооруженных конных рыцарей и 35 тысяч легковооруженной пехоты. Время их прибытия к воротам мусульманского мира оказалось весьма благоприятным. Несколькими месяцами ранее Кылыч-Арслан с относительной легкостью разгромил Народный крестовый поход. Думая, что вторая волна франков также представляет собой небольшую угрозу, он отправился для урегулирования территориальных споров на восток. Эта грубая ошибка позволила христианам весной беспрепятственно переправиться через Босфор и создать на другом берегу плацдарм.

Первая мусульманская мишень латинян была определена союзом с греками, а главной целью Алексея была Никея – город, расположенный на небольшом расстоянии от побережья Босфора. Его Кылыч-Арслан объявил своей столицей. Турецкий оплот в западной части Малой Азии угрожал безопасности Константинополя, но все попытки императора завоевать его были отбиты. Теперь Алексей решил применить против Никеи свое новое оружие – варваров франков. Они прибыли к Никее 6 мая и обнаружили неприступную крепость. Один свидетель-лати-

³² *Albert of Aachen*. P. 84; *Comnena A.* Vol. 2. P. 220–234; *Asbridge T.S.* The First Crusade. P. 103–113.

нянин утверждал, что «умелый люд окружил город такой высокой стеной, что он не боялся ни нападения врага, ни осадных машин». Зубчатые стены высотой тридцать футов (9 м), имеющие почти три мили (5 км) в окружности, включали более сотни башен. Еще более тревожным был тот факт, что западный край города вплотную примыкал к большому озеру Аскания, что позволяло турецкому гарнизону, насчитывающему несколько тысяч человек, получать снабжение и подкрепление, даже если город осажден на земле.

На первом этапе осады христиане подошли очень близко к поражению. Осознав, что над его столицей нависла реальная угроза, Кылыч-Арслан в конце весны вернулся из Малой Азии. 16 мая он попытался организовать внезапную атаку на стоящие перед Никеей армии с крутых, поросших лесом холмов к югу от города. К счастью для франков, турецкий шпион, схваченный в их лагере, под угрозой пыток и смерти выдал планы сельджуков. И когда началась атака мусульман, латиняне оказались к ней готовы и, поскольку их численность была больше, довольно скоро заставили Кылыч-Арслана отступить. Он спасся, большая часть его армии тоже осталась невредимой, но военному престижу и боевому духу гарнизона Никей был нанесен тяжелый урон. Желая произвести еще больший моральный эффект, крестоносцы обезглавили сотни турецких трупов и выставили головы на пиках перед городом, а некоторые даже перебросили через стены, чтобы усугубить панику. Такого рода варварская психологическая война была обычной в процессе средневековых осад, и определенно была изобретена не христианами. В последующие недели никейские турки всеми силами старались отомстить. Крюками на веревках они затаскивали на стены трупы франков, оставшиеся после боев, и оставляли висеть там для устрашения христиан³³.

Отбив атаку Кылыч-Арслана, крестоносцы применили комбинированную осадную стратегию, используя одновременно два стиля осадной войны. С одной стороны, они установили прочную блокаду городских стен на суше с севера, востока и юга, надеясь отрезать Никей от внешнего мира, постепенно изматывая гарнизон физической и психологической изоляцией. Однако у франков не было средств, чтобы прервать линии связи по воде через озеро, поэтому они одновременно штурмовали город. Первые попытки использования штурмовых лестниц были неудачными, и они сосредоточили усилия на проломе стен. Крестоносцы построили несколько камнеметных машин – баллист, но они имели ограниченные возможности и не могли метать камни достаточных размеров, чтобы нанести хотя бы какой-нибудь ущерб. Вместо этого латиняне вели обстрел легкими камнями, чтобы держать защитников Никей в напряжении, и в то же время вели вручную подкопы под городские стены.

Это была смертельно опасная работа. Чтобы добраться до подножия стен, войскам приходилось идти под дождем мусульманских стрел и каменных снарядов, а добравшись, они постоянно подвергались другой опасности – сверху их поливали горячей смолой и маслом. Франки экспериментировали с разными переносными экранами, чтобы защититься от этой угрозы. Степень успеха тоже была разной. Одна такая хитроумная штукавина, гордо названная лисой, сделанная из дубовых бревен, неожиданно развалилась и погребла под своими обломками двадцать крестоносцев. Франки с юга оказались удачливее, построив более надежное защитное приспособление с покатой крышей, которое позволило им добраться до стены и начать подкоп. Они прорыли подкоп под южной стеной, аккуратно устанавливая в туннеле деревянные подпорки, чтобы предотвратить обрушение, потом заполнили его ветками и подожгли. Было это 1 июля 1097 года. Прогорев, конструкция обрушилась, а с ней и небольшая часть стены. К несчастью для франков, турки сумели за ночь ликвидировать пролом, так что успех развить не удалось.

К середине июня крестоносцам так и не удалось достичь прогресса, пришлось византийцам принимать меры. Находясь в дне пути к северу, Алексей поддерживал дистанцию, но

³³ *Raymond of Aguilers*. P. 42–43; *Gesta Francorum*. P. 15; *Fulcher of Chartres*. P. 187; *Albert of Aachen*. P. 118–120.

внимательно следил за происходящим, отправляя войска и военных советников на помощь латинянам. Самым примечательным из них был Татикий – умный и хладнокровный ветеран империи, по национальности полуараб, полугрек, известный своей преданностью императору³⁴. Только в середине июня Алексей решил предпринять кое-какие шаги. В ответ на просьбы крестоносцев он велел перетащить волоком по суше небольшой флот из двадцати греческих судов на расстояние 20 миль (32 км) на озеро Аскания. На рассвете 18 июня эта флотилия направилась в сторону Никеи – трубы ревели, барабаны громко стучали, а франки одновременно начали штурм с суши. Очевидцы утверждали, что сельджуки были перепуганы «почти до смерти, начали рыдать и жалобно стенать». Уже через несколько часов они запросили мира, и город перешел в руки византийцев.

Взятие Никеи стало высшей точкой греко-франкского сотрудничества во время Первого крестового похода. Сначала были недовольные среди рядовых крестоносцев – их не устраивало отсутствие добычи, но они замолчали, услышав о решении Алексея щедро вознаградить своих союзников. Позднее западные хроники намного повысили степень напряжения, существовавшую после падения Никеи, но письмо, написанное домой Этьеном де Блуа, ясно указывает на дружбу и сотрудничество между союзниками. Император провел аудиенцию с лидерами крестоносцев, чтобы обсудить следующую стадию кампании. Судя по всему, был согласован маршрут через Малую Азию и намечена следующая цель – город Антиохия. Алексей планировал следовать за экспедицией, защищая территорию – так он хотел сохранить контроль над событиями. Татикий вместе с небольшим византийским отрядом сопровождал латинян.

Всю весну и лето Алексей давал латинянам бесценные советы и сообщал разведывательные сведения. Анна Комнина записала, что Алексей «предупреждал их о событиях, которые могут произойти в пути, и давал ценные советы. Они получили информацию о приемах, которые турки обычно используют в бою, – сказал, как следует строить боевую линию, как устраивать засады, посоветовал не преследовать противника на большие расстояния, если он обращается в бегство». Он также рекомендовал лидерам крестоносцев умерить агрессию по отношению к исламу с помощью элемента прагматичной дипломатии. Они последовали совету и постарались использовать политическую и религиозную разобщенность мусульман, отправив послов на корабле в халифат Фатимидов в Египте, чтобы обсудить потенциально возможный договор³⁵.

Когда крестоносцы в конце июня 1097 года покинули Никею, Алексей подвел некоторые итоги прошедших месяцев, которые его удовлетворили. Франкская орда прокатилась по его империи без особых последствий и даже нанесла серьезный удар сельджукам. Несмотря на некоторые трения, когда император присутствовал рядом, латиняне проявляли и сотрудничество, и послушание. Вопрос заключался в том, как скоро развеются чары теперь, когда император был далеко, а крестоносцы направлялись к Святой земле.

Через Малую Азию

Без мудрого руководства Алексея франкам пришлось справляться со многими организационными и командными трудностями. По сути, их армия была составной силой, одной большой массой, состоявшей из множества небольших частей, объединенных общей верой – латинским католицизмом – и собранных по всей территории Западной Европы. Многие крестоносцы были врагами еще до начала экспедиции. Они даже столкнулись с языковым барьером: кре-

³⁴ Татикий был евнухом и очень способным генералом. Говорили, что в начале своей военной карьеры он лишился носа и носил на лице золотую копию.

³⁵ *Gesta Francorum*. P. 15; *Hagenmeyer H. Kreuzzugsbriefe*. P. 138–140; *Comnena A.* Vol. 2. P. 230, 234.

стоносец из Северной Франции Фульхерий Шартрский писал: «Кто и когда слышал такое смешение языков в одной армии?»

Разнородная масса должна управляться крепкой рукой. И в самом деле, требования военной логики предполагают, что без строгого единоначалия Крестовый поход был обречен на развал и крах. Но с лета 1097 года у экспедиции не было единого лидера. Папский легат Адемар из Пуи мог претендовать на духовное превосходство, да и грек Татикий участвовал в командовании, но на практике ни один из них не обладал всей полнотой власти. На деле крестоносцам пришлось прощупывать дорогу к организационной структуре посредством экспериментов и инноваций, полагаясь в основном на объединяющее влияние их общей религиозной цели. Вопреки всем ожиданиям они достигли значительного успеха. Самым эффективным инструментом принятия решения оказалось групповое обсуждение, обычно считающееся неприемлемым в военной практике. Был создан «военный совет» из франкских лидеров – таких людей, как Раймунд Тулузский и Боэмунд Тарентский, которые собирались, чтобы обсудить и согласовать дальнейшие действия. Еще раньше они создали общий фонд, через который проходила и распределялась вся добыча. Им и предстояло решить, каким образом лучше всего пересечь Малую Азию.

Из-за большой численности крестоносного войска оно не могло продвигаться вперед, как единая армия. Растянутой вдоль римских дорог и путей пилигримов 70-тысячной колонне потребовались бы дни, чтобы пройти один данный пункт. А добывая себе продовольствие, они к тому же опустошили бы окрестности, как стая саранчи. Но христиане не могли себе позволить разбиться на мелкие группы и двигаться раздельно, как на пути в Константинополь, поскольку Кылыч-Арслан и сельджуки все еще представляли реальную угрозу. Лидеры крестоносцев со временем все же решили разделить свою армию на две, сохраняя относительно тесный контакт во время марша³⁶.

Битва при Дорилее

27 июня 1097 года итальянские норманны Боэмунда и армия Роберта Нормандского вышли в поход, за ними на некотором расстоянии двигались Годфруа Буйонский, Роберт Фландрский и южные франки. По плану они должны были встретиться после четырехдневного марша на юго-восток у Дорилея, заброшенного военного лагеря византийцев. Кылыч-Арслан, однако, имел другие планы. После унижения в Никее он собрал огромную армию и собирался напасть на крестоносцев, пока они идут по его земле. Их разделение на две армии дало ему шанс нанести удар. Утром 1 июля он атаковал силы Боэмунда и Роберта Нормандского на открытой территории в районе соединения двух долин у Дорилея. Один из воинов Боэмунда вспоминает ужас момента, когда неожиданно появились турки и «начали все сразу завывать на разные голоса и выкрикивать на своем языке какие-то дьявольские слова, которых я не понял... визжа, словно демоны». Кылыч-Арслан появился с армией легковооруженных, но удивительно ловких и подвижных сельджукских всадников, рассчитывая посеять панику в рядах крестоносцев, которые двигались намного медленнее. Турки взяли их в кольцо и, кружась, словно вихрь, принялись осыпать градом стрел. Латиняне были определенно шокированы тактикой противника. Один свидетель боя написал: «Турки были, словно волки, и выпускали град стрел. Мы были ошеломлены. Но, понимая, что нам грозит смерть, и многие уже были ранены, обратились в бегство. Это неудивительно, потому что для нас такая война была совершенно незнакомой».

Некоторые, конечно, действительно обратились в бегство, но, что удивительно, Боэмунд и Роберт сумели собрать свои войска и разбить лагерь. Вместо хаотичного бегства они пред-

³⁶ *Fulcher of Chartres*. P. 202–203; *Zajac W.G.* Captured property on the First Crusade / *The First Crusade: Origins and Impact*. Ed. J.P. Phillips. Manchester, 1997. P. 153–186.

почли держаться, построить оборонительное формирование и ждать подкрепления. Полдня крестоносцы, пользуясь численным перевесом и превосходством в броне, отражали непрекращающиеся атаки турок. Чтобы укрепить свою решимость перед лицом вражеской орды, крестоносцы придумали для себя девиз: «Держитесь вместе, верьте в Христа и в победу Святого Креста. Сегодня мы получим много добычи». Но время от времени враги все же прорывались.

Турки ворвались в лагерь, выпуская стрелы, убивая пешех солдат, девушек, женщин, детей и стариков, не щадя никого. Потрясенные и испуганные жестокостью этой ужасной бойни, девушки, которые были очень утонченными и благородного происхождения, были вынуждены одеться соответственно и предложить себя туркам, чтобы умиротворенные их красотой и любовью турки проявили жалость к пленным.

Несмотря ни на что, оборонительная линия крестоносцев держалась. В Средние века эффективное командование зависело от силы личности, умения заставить себе повиноваться, и огромная заслуга Боэмунда и Роберта заключалась в том, что они сумели удержать под контролем войска перед лицом агрессии. Прошло пять ужасных часов, прибыли основные силы крестоносцев, и Кылыч-Арслан отступил. Потери были высоки: около 4 тысяч христиан и 3 тысячи мусульман были убиты, но попытка заставить крестоносцев повернуть вспять провалилась. Отныне и впредь Кылыч-Арслан избегал их. Кочевники-сельджуки Малой Азии не были разгромлены, но их сопротивление оказалось сломленным, и дорога через Анатолию открыта³⁷.

Контакты и завоевания

После Дорилея крестоносцы столкнулись с другими врагами. Голод, жажда и болезни преследовали их все лето 1097 года, пока они шли мимо поселений, покинутых турками. Если верить одному хронисту, в один из моментов жажда стала настолько невыносимой, что «более 500 человек умерли. Из-за отсутствия воды умирали также лошади, ослы, верблюды, мулы, быки и другие животные. Мужчины ослабели от усталости и жары, шли с открытыми ртами и потрескавшимися губами. Когда же страдания от жажды стали казаться невыносимыми, была, наконец, обнаружена река, к которой люди шли. Все поспешили к воде, стараясь быть первым. Воду пили не останавливаясь. Люди и животные никак не могли напиться, и многие умерли оттого, что выпили слишком много».

Знаменательно то, что гибель животных описывается так же подробно, как смерть людей, но все современные источники в этом едины. В армии нельзя было обойтись без животных, которые перевозили оборудование и припасы, а рыцари зависели от своих боевых коней в сражениях. В прошлом историки подчеркивали преимущества, которыми пользовались рыцари из-за более крупных и сильных европейских коней, но в действительности многие европейские лошади пали, еще не добравшись до Сирии. Франкский участник похода писал, что из-за этого «многие рыцари были вынуждены идти пешком. Из-за отсутствия лошадей приходилось заменять их мулами»³⁸.

Крестоносцы периодически сталкивались и с другими опасностями. Годфруа Буйонский, например, был атакован и тяжело ранен медведем во время охоты. Он выжил чудом. Эти трудности и опасности, вероятно, показали, что надо более тщательно планировать следующий этап перехода. Достигнув плодородного юго-восточного региона Малой Азии, крестоносцы начали вступать в союзы с местным христианским населением, которое до тех пор жило под турецким правлением. В Гераклею Танкред и Бодуэн Булонский были отправлены на юг в Киликию, в то время как основная армия выбрала северный маршрут через Коксон и Мараш. Обе группы вступили в контакт с местными армянскими христианами, но Танкред и Бодуэн пошли дальше,

³⁷ *Gesta Francorum*. P. 18–21; *Fulcher of Chartres*. P. 192–199; *France J.* Victory in the East. P. 170–185; *Asbridge T.S.* The First Crusade. P. 133–137.

³⁸ *Albert of Aachen*. P. 138–140. Цитата была сокращена; *Gesta Francorum*. P. 23.

создали совместный материальный центр, тем самым помогли снабжать весь Крестовый поход в предстоящие месяцы и обеспечили более прямой путь в Сирию для армий подкрепления, которые должны были присоединиться к франкам в Антиохии.

После Киликийской экспедиции Бодуэн решил отделиться от главных сил крестоносцев, чтобы поискать счастья в восточных пограничных землях между Сирией и Месопотамией. Он увидел возможность установления своей независимой левантйской власти на этих землях, и, покинув основные силы крестоносцев с небольшим отрядом в сотню рыцарей, он начал кампанию жестоких завоеваний и непрерывного движения вперед, в которой проявил свой талант и военачальника, и ловкого политического деятеля. Объявив себя «освободителем» армянских христиан от турецкого угнетения, Бодуэн быстро установил контроль над внушительной территорией, расположенной к востоку от реки Евфрат. Благодаря своей репутации очень способного человека Бодуэн получил приглашение стать союзником Тороса, пожилого армянского правителя из города Эдесса. Они действительно стали союзниками, даже больше, отцом и приемным сыном, для чего публично была проведена любопытная церемония: оба мужчины разделись до пояса, после чего Торос обнял Бодуэна, «прижав его к своей обнаженной груди», и на обоих была надета длинная рубашка, чтобы скрепить союз. К несчастью для Тороса, эта церемония нисколько не умерила честолюбивые стремления Бодуэна. Через несколько месяцев его армянский «отец» был убит, вероятнее всего не без тайного одобрения Бодуэна. Франк взял контроль над городом и окружающим регионом, создав первое государство крестоносцев на Ближнем Востоке – графство Эдесса³⁹.

Тем временем армии Первого крестового похода в начале октября 1097 года перегруппировались на границах Северной Сирии. Они уцелели при переходе через Малую Азию, хотя и понесли большие потери. События следующего века доказали, что это уже само по себе было выдающимся достижением, поскольку следующие Крестовые походы потерпели неудачу в этом регионе. Но теперь перед крестоносцами стояла колоссальная задача, превосходящая все предшествующие трудности: осада Антиохии.

³⁹ *Asbridge T.S. The Creation of the Principality of Antioch 1098–1130. Woodbridge, 2000. P. 16–19; France J. Victory in the East. P. 190–196; Albert of Aachen. P. 170.*

Глава 2. Сирийские испытания

Ранней осенью 1097 года первые крестоносцы добрались до Северной Сирии и вышли к одному из величайших городов Востока – мощной крепости Антиохия. Они наконец достигли границ Святой земли, и теперь немного южнее, возможно всего лишь в трех неделях пути, находился Иерусалим. Но самый прямой путь к Святому городу древняя дорога паломников проходила через Антиохию, прежде чем сворачивала к побережью Средиземного моря и тянулась вдоль него к Ливану и в Палестину, мимо ряда потенциально враждебных мусульманских городов и крепостей.

Историки всегда утверждали, что у франков не было выбора – так или иначе, они должны были захватить Антиохию, прежде чем продолжать путь на юг, поскольку город стоял на их пути, словно непреодолимый барьер, мешающий продолжению экспедиции. Это не совсем верно. Более поздние события позволяют предположить, что крестоносцы теоретически могли обойти город. Если бы они стремились достичь Иерусалима с максимальной скоростью, они могли вступить в переговоры и заключить временное перемирие, чтобы нейтрализовать угрозу со стороны мусульманского гарнизона Антиохии, и продолжать путь. Факт, что латиняне вместо этого предпочли начать осаду, много говорит об их планировании, стратегии и мотивации⁴⁰.

Город Антиохия

Прежде всего Антиохия представляется центральной целью союза между крестоносцами и Византией. Основанный в 300 году до н. э. Антиохом, одним из полководцев Александра Великого, город был расположен идеально для того, чтобы влиять на транссредиземноморскую торговлю. Расположившись на «перепутье» между Востоком и Западом, Антиохия стала третьим городом римского мира, центром торговли и культуры. Но во время первого взрыва исламской экспансии в VII веке н. э. этот бастион Восточной империи перешел к арабам. Возрождающаяся Византия в 969 году вернула себе Антиохию, но турки-сельджуки в 1085 году снова отобрали город у христиан. Хорошо знающий историю города Алексей I Комнин жаждал получить Антиохию, мечтая о дне, когда город станет краеугольным камнем новой эры греческого господства в Малой Азии. Только по этой причине он продолжал поддерживать франков летом и осенью 1097 года. Император надеялся воспользоваться исключительно удобным случаем и получить вожденный приз.

Таким образом, решение осадить город было выражением продолжающегося греко-латинского сотрудничества. Однако крестоносцы не просто воплощали в жизнь чаяния своих союзников. Антиохия, как и Иерусалим, имела глубоко укоренившееся религиозное значение. Легенды гласили, что это было место первой христианской церкви, основанной святым Петром, главой апостолов, и в городе сохранилась великолепная базилика, посвященная святому. Город был также домом одного из пяти патриархов, самых влиятельных личностей христианского мира. Поэтому его освобождение соответствовало духовным целям экспедиции. Со временем, однако, станет ясно, что такие лидеры крестоносцев, как Боэмунд и Раймунд Тулузский, имели собственные, вполне мирские планы, связанные с Антиохией, которые могли войти в противоречие с чаяниями их византийских союзников.

Помимо вопросов греко-латинского сотрудничества и территориальных притязаний, попытка захватить Антиохию также раскрывает глубокую истину о крестоносцах. Они не были, как утверждают некоторые авторы, дикой ордой неуправляемых варваров, бездумно рвущихся в Иерусалим. События 1097 года доказывают, что их действия были не лишены стратегиче-

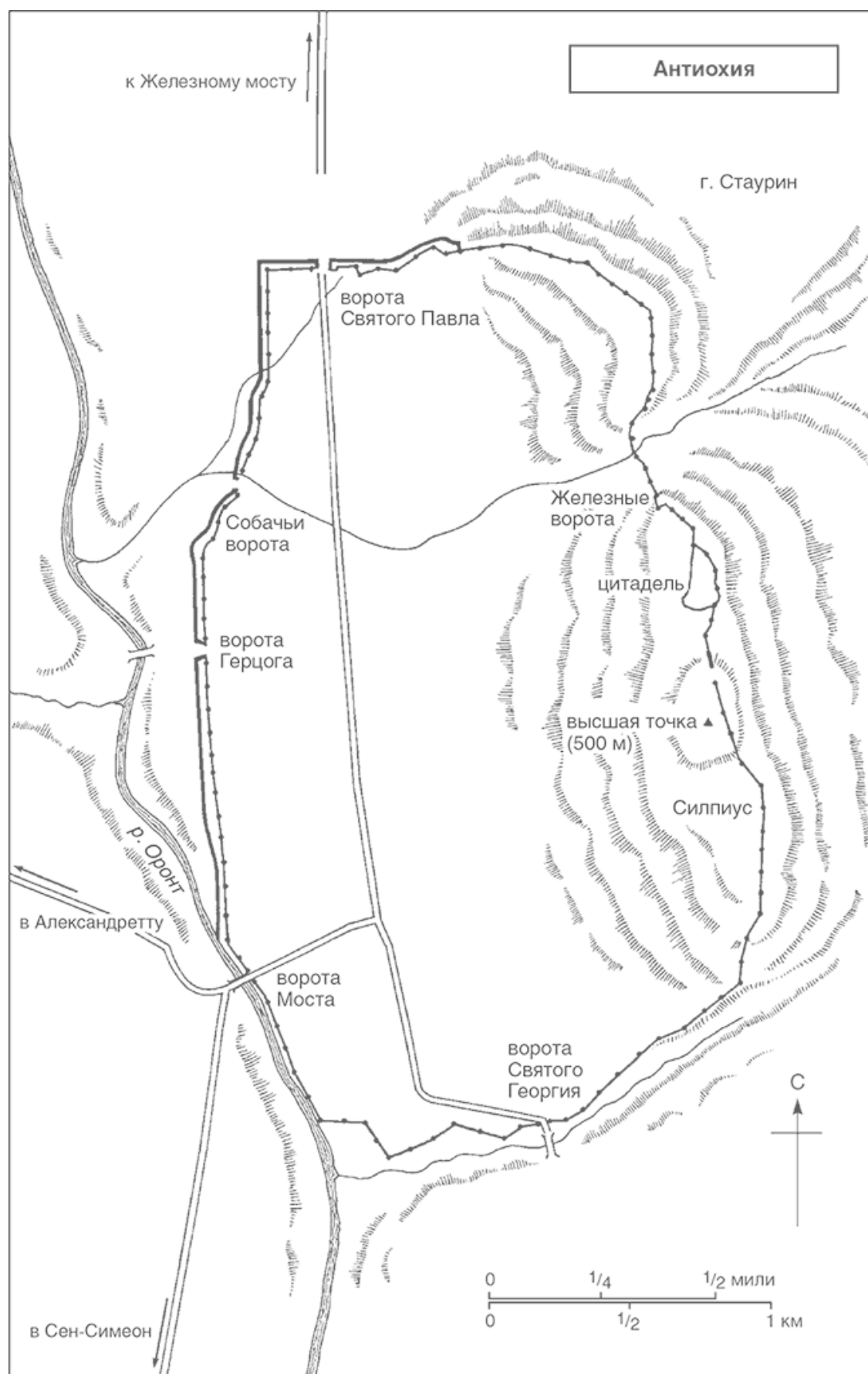
⁴⁰ Я лично поддержал это предположение в 2004 году. *Asbridge T.S. The First Crusade. P. 153–157.*

ского планирования. Они готовились к осаде Антиохии продуманно, захватив ряд соседних поселений и превратив их в центры снабжения. Крестоносцы также стремились установить морские контакты, чтобы обеспечить помощь с моря, причем это было сделано заблаговременно. Франки также ожидали прибытия подкреплений в Антиохию: греков под командованием Алексея, а также следующих волн крестоносцев – и потому обеспечили самый безопасный прямой путь из Малой Азии в Сирию через Белен-Пасс. В общем, все в поведении крестоносцев осенью 1097 года указывает на их намерение захватить Антиохию, хотя они понимали, что это будет непросто.

Даже при этих условиях, подойдя к городским стенам в конце октября, франки были потрясены количеством укреплений. Один из них в письме в Европу написал, что на первый взгляд город кажется «укрепленным с невиданной силой и почти неприступным». Антиохия располагалась между рекой Оронт и подножиями двух гор – Стаурин и Силпиус. В VI веке римляне усилили эти природные черты кольцом из шестидесяти башен, соединенных массивной стеной – длиной три мили (5 км) и высотой до шестидесяти футов (18 м), – которая тянулась вдоль берега Оронта и потом вверх по крутым склонам Стаурина и Силпиуса. В сотнях футов над городом, у вершины горы Силпиус, фортификационные сооружения Антиохии венчала грандиозная цитадель. К концу XI века эта оборонительная система уже изрядно обветшала от времени и пострадала от землетрясений, однако все еще являлась грозным препятствием для любой атакующей силы. Один из франков написал, что городу «не страшны ни осадные машины, ни люди, даже если его осадит все человечество»⁴¹.

Крестоносцы тем не менее имели одно преимущество: мусульманская Сирия была охвачена опасными беспорядками. Она была расколота борьбой за власть, начавшейся после краха сельджукского единства в начале 1090-х годов, и мелкие турецкие правители были больше заинтересованы в выяснении отношений между собой, чем в любой форме быстрого и скоординированного исламского ответа неожиданному вторжению христиан. Два брата, враждующие между собой, Ридван и Докак, правили городами Алеппо и Дамаск, но были вовлечены в гражданскую войну. Сама Антиохия управлялась, как полуавтономное пограничное поселение шатающегося сельджукского Багдадского султаната, Яги-Сияном, коварным седовласым турецким военачальником. Он стоял во главе хорошо обеспеченного всем необходимым гарнизона из 5 тысяч человек. Этого было достаточно, чтобы укомплектовать личным составом городские укрепления, но мало, чтобы отбросить крестоносцев в открытом сражении. Ему оставалось только положиться на фортификационные сооружения Антиохии. Когда подошли к городу крестоносцы, он отправил просьбы о помощи своим мусульманским соседям в Алеппо и Дамаск, а также в Багдад, надеясь на подкрепление. Он также стал бдительно следить за греками, армянскими и сирийскими христианами, являвшимися частью космополитического населения Антиохии, опасаясь предательства.

⁴¹ Hagenmeyer H. *Kreuzzugsbriefe*. P. 150; Raymond of Aguilers. P. 47–48.



Война на истощение

Подойдя к городу, латинянам надо было принять решение относительно стратегии. Несколько обескураженные масштабом укреплений и не имеющие ни мастеров, ни материалов для постройки осадных приспособлений – лестниц, баллист и осадных башен, – они быстро признали, что не смогут взять город штурмом. Но, как и в Никее, долговременная осада несла с собой существенные трудности. Большая длина стен, сильно пересеченная местность вокруг и наличие по меньшей мере шести главных ворот, ведущих в город, делали полное окружение невозможным. И «военный совет» принял решение о частичной блокаде. В последние дни октября армии крестоносцев заняли позиции перед тремя северо-западными воротами города. Через некоторое время франки решили установить контроль и за двумя южными воротами города. Был построен временный мост через Оронт, чтобы облегчить доступ на юге, и ряд импровизированных осадных фортов, что еще туже затянуло петлю. Но один вход остался. Железные ворота были расположены в ущелье между Стаурином и Силпиусом и оставались недостижимыми для крестоносцев. Так гарнизон города получил жизненно важную для него связь с внешним миром на долгие месяцы.

Франки осадили город осенью 1097 года. Ежедневными реалиями осадной войны могут считаться частые мелкие стычки, но, по сути, в ней подвергается испытанию не умение владеть оружием, а физическая и психологическая выносливость людей. И для латинян, и для их мусульманских противников мораль была критическим вопросом, и обе стороны с готовностью применяли самую отвратительную тактику, чтобы сломить моральный дух врага. Выиграв главное сражение в начале 1098 года, крестоносцы обезглавили трупы мусульман, насадили их головы на копья и с ликованием пронесли их под стенами Антиохии, чтобы «усилить горе турок». После следующей стычки мусульмане как-то раз на рассвете тайком выскользнули из города, чтобы похоронить своих погибших. Если верить латинскому участнику событий, когда христиане это обнаружили, «они приказали разрыть могилы и вытащить мертвые тела. Они побросали все трупы в яму, отрубили им головы и принесли головы к нашим палаткам. Когда турки это увидели, они очень горевали. Каждый день они горько причитали, рыдали и завывали».

Со своей стороны Яги-Сиян приказал публично принести в жертву городское христианское население. Греческий патриарх, давно мирно живший в городе, был повешен за ноги на стене и бит железными палками. Один латинец вспоминал, что «многие греки, сирийцы и армяне, жившие в городе, были убиты обезумевшими турками. Убедившись, что франки наблюдают за ними, они бросали со стен головы убитых, используя катапульты и пращи. Это очень огорчило наших людей». Взятые в плен крестоносцы обычно подвергались такому же обращению. Архидьякон Меца был пойман «играющим в кости» с молодой женщиной в саду около города. Его обезглавили прямо на месте, а ее увезли в Антиохию, изнасиловали и убили. На следующее утро обе головы были заброшены катапультой в латинский лагерь.

Если не считать такого «обмена любезностями», осада была войной на истощение. Эта жестокая тактика выжидания, в которой каждая сторона стремилась продержаться дольше, чем другая, зависела от снабжения живой силой, материалами и, главное, продовольствием. Поскольку логистические соображения были главными, крестоносцы оказались в худшей позиции. Частичная блокада означала, что мусульмане имели доступ к внешним ресурсам и помощи. А более крупная армия франков быстро истощила имевшиеся в наличии ресурсы, и крестоносцам пришлось все дальше уходить в глубь вражеской территории в поисках продовольствия. По мере хода кампании ситуацию усложнила суровая зимняя погода. В письме к жене франк Этьен де Блуа жаловался: «Перед городом Антиохия на протяжении всей зимы мы страдали за Бога нашего Христа от холода и проливных дождей. То, что говорят о невоз-

возможности выносить жару по всей Сирии, – неправда, потому что зима здесь очень похожа на нашу зиму на Западе». Армянский христианин, современник события, позже вспоминал, что в разгар той ужасной зимы «из-за нехватки продовольствия, высокой смертности и страданий, выпавших на долю франкской армии, выжил только один человек из пяти, и все чувствовали себя покинутыми вдали от родного дома»⁴².

Страдания франков достигли кульминационной точки в январе 1098 года. Сотни, даже тысячи человек гибли, ослабленные недостаточным питанием и болезнями. Говорят, что бедняки дошли до того, что стали есть «собак и крыс... шкуры животных и зерна, найденные в навозе». Сбитые с толку отчаянным положением, многие стали задаваться вопросом, почему Господь покинул Крестовый поход, Его же священное начинание. Среди атмосферы всеобщей подозрительности и взаимных обвинений латинское духовенство предложило ответ: экспедиция запятнала себя грехом. Чтобы очиститься, папский легат Адемар из Пуи предписал ряд искупительных ритуалов – посты, молитвы, раздача милостыни, литании. Женщины, предполагаемые вместилища нечистоты, тотчас были изгнаны из лагеря. Несмотря на принятые меры, многие христиане бежали в Северную Сирию, предпочитая неопределенность обратного путешествия в Европу ужасным условиям блокады. Даже известный демагог Петр Пустынник, некогда страстный глашатай Крестового похода, решил дезертировать. Пойманный под покровом ночи при попытке бежать, он был бесцеремонно водворен обратно Танкредом. Примерно в это же время греческий проводник крестоносцев Татикий покинул экспедицию, якобы для поисков подкрепления и продовольствия в Малой Азии. Обратно он так и не вернулся, но византийцы с Кипра отправили франкам кое-какие припасы.

Многочисленные беды и лишения суровой зимы пережили лишь немногие крестоносцы, но зато они закалились и ожесточились, и с приходом весны баланс сил начал медленно сдвигаться в их пользу. Система центров снабжения, созданная франками, также несколько облегчила ситуацию в районе Антиохии: припасы прибывали даже из Киликии, а позднее – от Бодуэна Эдесского. Еще более важной ока залась помощь портов Северной Сирии – Латакии и Сен-Симеона, которые заняли латиняне. 4 марта в гавань Сен-Симеона прибыл небольшой флот английских судов с продовольствием, стройматериалами и мастерами. Через несколько дней Боэмунд и Раймунд Тулузский успешно доставили ценный груз с побережья. Приток материалов позволил франкам заткнуть замочную скважину в кольце блокады.

До этого момента Яги-Сиян и его люди имели возможность пользоваться городскими воротами Моста относительно свободно и таким образом контролировали дороги, ведущие в Сен-Симеон и Александретту. Теперь христиане укрепили заброшенную мечеть, расположенную на равнине перед входом, создав базовый осадный форт, который назвали именем Святой Девы. Отсюда они могли вести наблюдение за окружающей территорией. Граф Раймунд предложил взять на себя бремя обеспечения этого удаленного форта гарнизоном ценой огромных личных затрат, но его мотивы, скорее всего, не были чисто альтруистичными. В начале осады южноитальянские норманны заняли территорию перед воротами Святого Павла и были готовы быстро войти в город, если и когда он падет. Это дало Боэмунду хороший шанс предъявить претензию на город, потому что, немного раньше, лидеры крестоносцев согласились следовать «правилу завоевателя», по которому захваченная собственность принадлежит первому предъявляющему на нее свои права или занявшему территорию. Расположив своих людей перед другими воротами Антиохии, воротами Моста, Раймунд получал идеальную возможность бросить вызов своему противнику.

В течение месяца франки построили еще один импровизированный осадный форт, укрепив монастырь возле последних достижимых ворот Антиохии – ворот Святого Георгия. Тан-

⁴² *Gesta Francorum*. P. 42; *Fulcher of Chartres*. P. 221; *Albert of Aachen*. P. 208–210, 236–238; *Hagenmeyer H. Kreuzzugsbriefe*. P. 150; *Matthew of Edessa*. P. 167–168.

кред согласился обеспечить этот форт гарнизоном, но только в обмен на немалую плату в 400 серебряных марок. Начав Крестовый поход «во втором эшелоне» знати и постоянно находясь в тени дяди – Боэмунда, Танкред теперь начал оформляться как самостоятельная фигура первой величины. После приключений в Киликии честь этого командования и богатство, которое оно принесло, укрепили его статус и дали некоторую степень автономии⁴³.

Предательство

В апреле 1098 года крестоносцы ту же затянули петлю вокруг Антиохии. Яги-Сиян все еще мог ввозить некоторые запасы через Железные ворота, но практически лишился возможности совершать набеги на франков. Теперь мусульманскому гарнизону пришлось познаться с изоляцией, катастрофически уменьшающимися ресурсами и угрозой поражения. Однако на протяжении всей блокады крестоносцев преследовал мучительный страх: они опасались появления объединенной мусульманской армии, спешащей на помощь Антиохии. Если это произойдет, они окажутся между двух огней.

Латинянам уже принесла пользу раздробленность, поразившая мусульманскую Сирию. Не желая отложить хотя бы на время свои разногласия и, возможно, ошибочно принимая крестоносцев за византийских наемников, Докак Дамасский и Ридван Алеппский откликнулись на просьбу Яги-Сияна, отправив ему отдельные несоординированные силы в декабре 1097 и феврале 1098 года. Если бы эти два великих города объединили свои ресурсы в течение зимы, они вполне могли похоронить Первый крестовый поход у стен Антиохии. А так франки успешно отразили нападения обеих армий, хотя и не без потерь.

Крестоносцам также было хорошо известно, что ближневосточный ислам был разъединен из-за раскола между суннитами и шиитами, и по совету Алексея Комнина они решили использовать это разделение, установив контакт с шиитской династией Фатимидов из Северной Африки. Сделали они это еще летом 1097 года. В начале февраля последовал ответ – в христианский лагерь у стен Антиохии прибыло посольство от аль-Афдаля, египетского визиря, чтобы обсудить возможность переговоров с первыми крестоносцами. Визит мусульманских послов не был ни скоротечным, ни тайным. Они оставались в лагере крестоносцев не меньше месяца, и об их присутствии там было хорошо известно. Прием этого посольства почти не вызвал критики. Этьен де Блуа, не испытывая никаких сомнений по этому поводу, написал жене, что Фатимиды «установили мир и согласие с нами». В Антиохии крестоносцы и египтяне не достигли никаких определенных соглашений, но последние предложили «дружбу и хорошее обращение», и в интересах поддержания такого курса латинские послы были отправлены в Северную Африку, получив задание «заключить дружественный пакт».

До начала лета 1098 года первые крестоносцы успешно использовали дипломатию и упреждающую военную интервенцию, чтобы предотвратить прямую контратаку мусульман. В конце мая, однако, пронесся слух о появлении нового врага. Судя по всему, султан Багдада наконец откликнулся на отчаянные призывы о помощи и отправил на выручку Яги-Сияну мощную армию. 28 мая разведчики, вернувшись в лагерь христиан, подтвердили, что «видели мусульманскую армию, повсюду спускающуюся с гор и текущую по дорогам, как морской песок». Это был грозный иракский военачальник Кербога из Мосула, идущий во главе 40-тысячной армии из Сирии и Месопотамии. Он был менее чем в неделю пути от Антиохии⁴⁴.

⁴³ *Fulcher of Chartres*. P. 224–226; *Asbridge T.S.* The First Crusade. P. 169–196. О дебатах относительно отбытия Татикиа см.: *Lilie R.-J.* Byzantium and the Crusader States. P. 33–37; *France J.* The departure of Tatikios from the army of the First Crusade / *Bulletin of the Institute of Historical Research*. Vol. 44. 1971. P. 131–147; *France J.* Victory in the East. P. 243. О первой осаде Антиохии см. также: *Rogers R.* Latin Siege Warfare in the Twelfth Century. Oxford, 1992. P. 25–38.

⁴⁴ *Hagenmeyer H.* Kreuzzugsbriefe. P. 151; *Raymond of Aguilers*. P. 58. Об отношениях первых крестоносцев с мусульманами Ближнего Востока см.: *Köhler M.A.* Allianzen und Verträge zwischen frankischen und islamischen Herrschern in Vorderen Orient.

Новость о том, что суннитский ислам наконец объединился против крестоносцев, привела их лидеров в ужас. Желая скрыть эти неприятные известия от широких масс, чтобы не вызвать панику и дезертирство, они созвали срочный совет для обсуждения дальнейших действий. Хотя кольцо вокруг города было плотным и сопротивление Яги-Сияна слабело, скорого окончания блокады не предвиделось. Франки не могли выступить против Кербози в открытом сражении, поскольку численное превосходство врага было слишком большим – два к одному. К тому же им катастрофически не хватало лошадей. Получалось, что после стольких жертв и лишений армии христиан предстояло быть разбитой у стен Антиохии наступающей мусульманской ордой. В этот момент кризиса, когда крестоносцы были в смятении, вперед выступил Боэмунд. Он сказал, что, учитывая затруднительное положение, тот, кто сможет организовать падение Антиохии, должен иметь законное право на город, и после долгих споров крестоносцы с этим согласились, но с оговоркой, что город должен быть передан Алексею I Комнину, если он этого потребует. Заключив сделку, Боэмунд раскрыл карты. Оказалось, что он вступил в контакт с ренегатом в Антиохии, командиром башни – армянином по имени Фируз, который был готов сдать христианам город.

Спустя несколько дней, в ночь с 2 на 3 июня, небольшая группа людей Боэмунда использовала лестницу из бычьих шкур, чтобы забраться на изолированную часть городской юго-восточной стены, где ждал Фируз. Даже с помощью предателя эта вылазка была настолько рискованной, что сам Боэмунд предпочел дожидаться внизу, потому что, если поднимется тревога, смельчаки наверняка будут убиты. Однако все прошло хорошо. Стражники на трех ближайших башнях были быстро и бесшумно убиты, и были открыты маленькие боковые ворота. До этого момента следовало действовать скрытно, но, когда христиане вошли в город, Боэмунд велел трубить в сигнальные трубы, чтобы начать общую атаку на цитадель Антиохии. Ночную тишину взорвали боевые кличи франков: «Этого хочет Бог!» В городе среди мусульман началась паника, гарнизон пребывал в полном замешательстве, а уцелевшие христиане, жившие в Антиохии, устремились к остальным городским воротам, чтобы открыть их и впустить своих собратьев по вере.

Соппротивление было быстро сломлено, и крестоносцы ворвались в Антиохию, одержимые желанием вознаградить себя за восемь месяцев лишений. В тусклом свете занимавшегося рассвета началась бойня. Один латинянин, участник событий, написал, что они не щадили ни одного мусульманина, невзирая на пол и возраст. Земля была залита кровью, везде валялись трупы, причем некоторые из убитых были христианами – греками, сирийцами, армянами. И неудивительно: в темноте не было видно, кого следует убивать, а кого миловать. Впоследствии один крестоносец описал, как «все улицы города по обеим сторонам были завалены трупами, и никто не мог там находиться из-за ужасной вони, да и пройти по узкой улице было нельзя, разве что по трупам». Среди этой кровавой бойни и последовавшего разграбления города Боэмунд позаботился о том, чтобы его кроваво-красное знамя было поднято над городом – обычный метод предъявления претензии на захваченную собственность. Тем временем Раймунд Тулузский ворвался через ворота Моста и занял все здания в этом районе, в том числе Антиохийский дворец, обеспечив для себя плацдарм в городе. Только цитадель, возвышавшаяся над городом на гребне горы Силпиус, оставалась в руках мусульман. Ее гарнизоном командовал сын Яги-Сияна. Сам губернатор в ужасе бежал, но был пойман и обезглавлен местным крестьянином⁴⁵.

Хитрый план Боэмунда оказался успешным, завершив первую осаду Антиохии. Но времени отметить это событие не оказалось. 4 июня, через день после падения города, к нему подо-

Berlin, 1991. P. 1—72; *Asbridge T.S. Knowing the enemy: Latin relations with Islam at the time of the First Crusade / Knighthoods of Christ*. Ed. N. Housley. Aldershot, 2007. P. 17—25; *Albert of Aachen*. P. 268.

⁴⁵ *Fulcher of Chartres*. P. 233; *Albert of Aachen*. P. 282—284; *Gesta Francorum*. P. 48.

шел авангард армии Кербози. Мусульмане окружили город, и крестоносцы оказались запертыми внутри его.

Осажденные

Вторая осада Антиохии в июне 1098 года стала тяжелейшим испытанием для крестоносцев. Латиняне избежали войны на два фронта, но оказались осажденными в стенах города. Лишенный ресурсов еще во время первой осады город почти ничего не мог им предложить – ни военного снабжения, ни продовольствия. А поскольку цитадель оставалась в руках противника, положение было более чем серьезным. Экспедиция оказалась на грани полного уничтожения.

Крестоносцы могли надеяться только на давно ожидаемый подход византийской армии под командованием Алексея Комнина. Франки не знали, что волею обстоятельств они лишились даже этой призрачной надежды на спасение. 2 июня, как раз перед тем, как Антиохия оказалась в руках латинян, один из лидеров крестоносцев – Этьен де Блуа, рассудив, что у крестоносцев нет надежды на спасение, решил бежать. Притворившись больным, он отбыл на север и двинулся через Малую Азию. Его отъезд, вероятно, нанес огромный ущерб боевому духу, но вред, причиненный Этьеном всему движению крестоносцев в целом, оказался стократ больше.

В центральной части Анатолии он встретил императора Алексея и его армию, остановившуюся в городе Филомелиум. На протяжении всей блокады Антиохии крестоносцы ожидали греческого подкрепления, но Алексей был занят, захватывая побережье Малой Азии. Когда Этьен сообщил, что франки к этому времени, вероятнее всего, наголову разбиты, император принял решение возвращаться в Константинополь. В решающий момент Византия подвела крестоносцев, и греки так до конца никогда и не были прощены. А Этьен вернулся во Францию, чтобы услышать из уст собственной жены обвинение в трусости.

Таким образом, крестоносцы остались один на один с ордой Кербози. Полководец из Мосула оказался грозным соперником. Для франков он был официально назначенным главным командующим армией багдадского султана, но было бы неправильно думать, что Кербоза был обычным слугой халифа династии Аббасидов. Вынашивая собственные честолюбивые планы, он быстро понял, что война против франков в Антиохии дает ему превосходную возможность захватить контроль над Сирией для себя лично. Шесть месяцев Кербоза самым тщательным образом планировал и закладывал дипломатический и военный фундамент своей кампании, собирая по кусочкам грозную мусульманскую коалицию. К ней присоединились армии из Сирии и Месопотамии, включая отряд из Дамаска, но большинство из них подталкивала не ненависть к христианам и даже не набожность, а страх перед Кербозой, человеком, который, казалось, был судьбой предназначен для управления сельджукским миром.

В начале июня 1098 года Кербоза приступил ко второй осаде Антиохии с упорством и целеустремленностью. Он разбил главный лагерь в нескольких милях к северу от города, установил контакт с мусульманами, удерживавшими цитадель, и начал собирать силы в крепости и вокруг нее на восточных, менее крутых склонах горы Силпиус. Солдаты также развернулись, чтобы блокировать ворота Святого Павла на севере города. Первоначальная стратегия Кербози была основана на агрессивной лобовой атаке, направленной через цитадель Антиохии и ее окрестности. К 10 июня он был готов начать стремительное нападение. В течение четырех следующих дней волны мусульман одна за другой атаковали город, а Боэмунд возглавил отчаянное сопротивление франков, стремящихся во что бы то ни стало сохранить контроль над восточными стенами города. Это было самое напряженное и жестокое сражение из всех, в которых крестоносцам довелось участвовать. Оно не прерывалось ни на минуту от рассвета до наступления темноты, так что, по словам одного очевидца, «человек с едой не имел времени

ее съесть, а человек с водой не имел времени ее выпить». Измученные и обессиленные, латиняне быстро приближались к кризису. Позднее один из крестоносцев вспоминал, что «многие теряли надежду и поспешно спускались на веревках с городских стен, а в городе солдаты, вернувшиеся из боя, рассказывали, что мусульмане обезглавливают защитников». Днем и ночью количество дезертиров росло, и вскоре к ним присоединились даже хорошо известные рыцари, такие как родственник Боэмунда. В какой-то момент прошел слух, что сами лидеры готовятся покинуть город, и Боэмунду и Адемару пришлось запереть на засов городские ворота, чтобы предотвратить общее бегство.

Из чистого упрямства те, кто остался, все же удержались на своих позициях. А в ночь с 13 на 14 июня в небе появилась падающая звезда и упала в лагерь мусульман. Крестоносцы истолковали это как добрый знак, потому что уже на следующий день людей Кербози видели спускающимися с горы Силпиус. Но передислокация мусульманских армий, вероятно, была вызвана стратегическими соображениями. Не сумев сломить сопротивление франков в лобовой атаке, Кербоза решил прибегнуть к другой тактике. Стички все еще имели место ежедневно, но с 14 июня мусульмане сосредоточились на окружении Антиохии. Основные силы армии Аббасидов остались в главном лагере к северу от города, но крупные подразделения были развернуты так, чтобы блокировать ворота Моста и Святого Георгия. Установив эти кордоны, Кербоза надеялся ограничить контакты франков с внешним миром и заставить их голодать.

Продовольствия было мало с тех самых пор, как крестоносцы вошли в Антиохию. Теперь запасов стало еще меньше, и страдания латинян возросли. Один христианин, участник событий, вспоминал о тех страшных днях:

Город был блокирован со всех сторон, и мусульмане преграждали выход. Голод становился настолько сильным, что христиане в отсутствие хлеба жевали куски кожи, найденные в домах, которые задубели или, наоборот, разложились. Простые люди съели свою кожаную обувь – столь велик был голод. Некоторые наполняли желудки корнями жгучей крапивы и другими растениями, сваренными на огне, и заболели от этого. Каждый день число людей уменьшалось.

Обездвиженные страхом и голодом, упавшие духом крестоносцы лишились всякой надежды на выживание. Почти все были уверены, что поражение неминуемо⁴⁶.

Историки утверждают, что в этот момент ход второй осады Антиохии и судьба всего Крестового похода была изменена одним драматическим событием. 14 июня небольшая группа франков, возглавляемая крестьянским провидцем Пьером Бартелеми, начала копать в базилике святого Петра. Бартелеми утверждал, что ему было видение Святого Андрея, который открыл местонахождение очень мощного духовного оружия: копья, пронзившего Христа на кресте. Один из крестоносцев, участвовавший в поисках святого копья, Раймунд Агилерский, писал: «Мы копали до самого вечера, и некоторые отказались от надежды отыскать Святое копьё. <...> Но юный Пьер Бартелеми, видя, что рабочие устали, сбросил одежды и в одной только рубашке и босиком спрыгнул в яму. Он попросил нас помолиться Господу за возвращение Святого копья крестоносцам, чтобы тем самым дать силу и победу его людям. Наконец, в своем бесконечном милосердии, Господь явил нам Святое копьё, и я, Раймунд, автор этой книги, поцеловал копьё, как только оно показалось из земли. Какая великая радость и волнение наполнили город!»

Долгое время считалось, что находка этого маленького кусочка металла, который сочли реликвией Страсти Христовой, подняла моральный дух крестоносцев. Ее истолковали как неоспоримый знак поддержки Бога, обещание победы. Находка побудила крестоносцев снова взять в руки оружие и схлестнуться с Кербозой в открытом сражении. Другой франкский свидетель описывает влияние Святого копья следующим образом: «Итак, Пьер нашел копьё, как и

⁴⁶ *Gesta Francorum*. P. 48; *Tudebode P.* P. 97; *Albert of Aachen*. P. 298–300. Цитата была сокращена.

предсказывал, и все вынесли его с великой радостью и страхом, и по всему городу было ликование. С этого момента мы решили атаковать, и наши лидеры собрали совет»⁴⁷.

В действительности впечатление, создаваемое этим рассказом, – что моральный дух крестоносцев неожиданно восстановился, благодаря всплеску восторженной веры, и им тут же захотелось немедленно схватиться с врагом – глубокое заблуждение. Две недели отделяют находку копья от сражения с Кербогой.

«Открытие» Пьера Бартелеми, безусловно, имело некоторый эффект на моральный дух крестоносцев. Сегодня история его видений может показаться фантастичной, а утверждение, что он отыскал истинную реликвию, связанную с жизнью Христа, – жульничеством или нелепостью. Но для франков XI века, знакомых с идеями святых, реликвий и Божественного вмешательства, все, связанное с находкой Пьера, было истиной. Воспитанные в отлаженной системе веры, в которой Бог направлял свою силу через святые реликвии, франки не усомнились в аутентичности Святого копья. Среди лидеров крестоносцев только Адемар из Пуи вроде бы испытывал какие-то сомнения, да и те, скорее всего, были вызваны низким социальным статусом Пьера. Но, даже воспрянув духом, латиняне оставались парализованы страхом и неопределенностью всю вторую половину июня. Найдка копья вовсе не стала катализатором процесса сопротивления и уж тем более не была поворотным моментом в судьбе Первого крестового похода⁴⁸.

К 24 июня крестоносцы оказались на грани краха и отправили двух послов на переговоры с Кербогой. Историки имеют обыкновение принимать объяснение самих латинян, данное этому предпрятию. Они называли его упражнением в браваре. В действительности, скорее всего, это была безнадежная попытка договориться об условиях сдачи. Беспристрастный восточный христианский источник описывает, как «франкам угрожал голод, и они решили получить от Кербогии обещание амнистии при условии, что они отдадут ему город и удалятся в свою страну». В более поздней арабской хронике подтверждается эта версия, и говорится, что лидеры крестоносцев «написали Кербогге, попросив о безопасном проходе через его территорию, но он отказался, заявив: «Вам придется пробиваться с боем».

После этого стало ясно, что шансов благополучно покинуть Антиохию нет. Осознав, что их единственная надежда – открытое сражение, и не важно, насколько мала возможность победы, латиняне начали готовиться к последней самоубийственной схватке. По словам одного из них, они решили, что лучше погибнуть в бою, чем стать жертвой голода и болезней»⁴⁹.

В те последние дни христиане делали все, что могли. Ритуальные шествия, исповеди, причастия – все это делалось для духовного очищения. А тем временем Боэмунд, теперь ставший главнокомандующим армией, приступил к составлению плана сражения. На бумаге положение франков было безнадежным. Они были в меньшинстве – крестоносцев теперь насчитывалось не более 20 тысяч, в том числе женщин и стариков. Элитная сила – конные рыцари – перестала быть таковой, лишившись боевых коней. Многие рыцари воевали верхом на выючных животных или в пешем строю. Даже немецкий граф Харман из Диллингена, некогда гордый и очень богатый крестоносец, был вынужден ехать на осле, причем таком маленьком, что ноги графа волочились по земле. Боэмунду пришлось выработать стратегию, основанную на действиях пехотинцев, чтобы ударить по врагу с максимальной скоростью и силой.

Несмотря на свои гигантские размеры, армия Кербогии имела два потенциально слабых места: основные ее силы все еще оставались на некотором расстоянии к северу – войска, окружавшие Антиохию, были сравнительно немногочисленными. И людям Кербогии не хва-

⁴⁷ *Raymond of Aguilers*. P. 75; *Gesta Francorum*. P. 65–66.

⁴⁸ *Asbridge T.S.* *The Holy Lance of Antioch: Power, devotion and memory on the First Crusade* / *Reading Medieval Studies*. Vol. 33. 2007. P. 3–36.

⁴⁹ *Matthew of Edessa*. P. 171; *Ibn al-Athir*. Vol. 1. P. 16; *Albert of Aachen*. P. 320.

тало единства, даваемого сознанием общего дела. Их связывала лишь видимость союза. Начни мусульмане терять уверенность в своем генерале, развал был бы неминуемым.

К 28 июня крестоносцы были готовы к бою. На рассвете они стали выходить из города, а священнослужители, стоя у стен, возносили молитвы Господу. Люди считали, что идут на смерть. Боэмунд предпочел неожиданно появиться из ворот Моста, пересечь Оронт и схватиться с мусульманами на равнине. Если крестоносцы не хотели тотчас быть остановленными и перебитыми, скорость и сплоченность были жизненно важны. Когда ворота открылись, передовой отряд латинских лучников выпустил «залп» стрел, чтобы отбросить противника и расчистить себе дорогу через мост. Затем франки вышли вперед четырьмя сплоченными боевыми группами, развернулись в полукруг и устремились на мусульман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.